

Дж. Дж. Норрис¹,
Х. Грол-Прокопчик²

¹ Университет штата Нью-Йорк во Фредонии, США

² Университет штата Нью-Йорк в Буффало, США

Различия в вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг.

Переводчик Е. Н. Беляева

Контактное лицо:

Джесси Дж. Норрис, доктор философии, доцент кафедры уголовного правосудия,
Университет штата Нью-Йорк во Фредонии
E-mail: norris@fredonia.edu

Ханна Грол-Прокопчик, доктор философии, доцент социологии,
Университет штата Нью-Йорк в Буффало

Аннотация

Цель: исследование общих и отличительных признаков при вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг.

Методы: в статье используются всеобщий диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический).

Результаты: расовые и иные факторы различий в приговорах за терроризм рассматривались в нескольких исследованиях. В отличие от них данная работа охватывает все виды терроризма, преступления разных уровней тяжести, рассмотренные как судами штатов, так и федеральными судами. Используя базу данных всех судебных дел о терроризме в США за период с 2001 по 2018 г. ($n = 825$), авторы выявили различия в приговорах в зависимости от расы и этнической принадлежности, пола, гражданства, вида терроризма и рассмотрения дела судом штата или федеральным судом.

Научная новизна: результаты исследования приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг. свидетельствуют о ряде различий: иностранные граждане и сторонники превосходства белой расы получают более длительные сроки заключения, а иностранные террористы, не связанные с джихадом, – более короткие. Авторы обнаружили лишь ограниченные доказательства расового неравенства, среди них – более длительные сроки для представителей меньшинств при определенных степенях тяжести преступлений. «Гипотеза освобождения», предсказывающая большее неравенство в отношении менее тяжких преступлений, в основном не подтвердилась. Факт возбуждения уголовного преследования в суде штата или в федеральном суде не оказывал существенного влияния на тяжесть приговора. Это свидетельствует о том, что судебное преследование террористов может достаточно эффективно осуществляться в судах штатов. Реальные сроки обвинений по судебным приговорам были снижены относительно первоначальных обвинений более значительно для обвиняемых в антиправительственных действиях, чем для обвиняемых в джихадизме.

© Норрис Дж. Дж., Грол-Прокопчик Х., 2025. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<https://rusjel.ru>) 27.06.2025.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(2), 18–40.

URL публикации: <https://scholasticahq.com/criminology-criminal-justice-law-society/>

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с уголовной ответственностью за терроризм.

Ключевые слова:

уголовная ответственность, терроризм, экстремизм, преступность, социальная группа

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Норрис, Дж. Дж., Грол-Прокопчик, Х. (2025). Различия в вынесении приговоров при уголовном преследовании за терроризм в США в 2001–2018 гг. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 390–419. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.390-419>

Scientific article

J. J. Norris¹,

H. Grol-Prokopczyk²

¹ State University of New York at Fredonia, USA

² University at Buffalo, USA

Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018

Translator E. N. Belyaeva

Contact:

Jesse J. Norris, PhD, is an Associate Professor of Criminal Justice, State University of New York at Fredonia

E-mail: norris@fredonia.edu

Hanna Grol-Prokopczyk, PhD, associate professor of sociology, University at Buffalo

Abstract

Objective: to research the common and distinctive features when sentencing in the prosecution of terrorism in the United States in 2001–2018.

Methods: the article uses general dialectical method of cognition, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and specific scientific (formal-legal) research methods.

Results: Few studies have examined racial or other disparities in terrorism sentences. Unlike previous research, this study incorporates all types of terrorism, several severity levels, and both state and federal cases. Using a database including all US terrorism cases between 2001 and 2018 ($n = 825$), the authors test for sentencing disparities based on race/ethnicity, gender, citizenship, state/federal court, and type of terrorism.

The article was first published in English language by *Criminology*, *Criminal Justice*, *Law & Society* and *The Western Society of Criminology* Hosting by *Scholastica*. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(2), 18–40.

Publication URL: <https://scholasticahq.com/criminology-criminal-justice-law-society/>

Scientific novelty: The results show some evidence for disparities, with foreign nationals and White supremacists receiving longer sentences and foreign non-jihadi terrorists receiving shorter sentences. The research found limited evidence for racial disparities, including longer sentences for minority defendants within some severity levels. The “liberation hypothesis” predicting greater disparities for less-serious crimes was mainly unsupported. Whether prosecution occurred in state or federal court had little effect, suggesting that states are well equipped to prosecute terrorists. Compared to jihadi defendants, anti-government defendants received larger “discounts” between initial allegations and charges of conviction, dramatically affecting sentence length.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to criminal liability for terrorism.

Keywords:

criminal liability, terrorism, extremism, crime, social group

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2025). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(2), 390–419. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.2.390-419>

Введение

Научные исследования документируют расовые и этнические различия практически во всех аспектах уголовного правосудия, от проверок на дорогах до досрочного освобождения из тюрьмы (Carmichael, 2010; Mitchell, 2018). Имеются свидетельства того, что многие из этих различий необоснованны и в значительной степени являются результатом неосознанных предубеждений в отношении меньшинств (Beckett et al., 2006; Mitchell & Caudy, 2015; Payne et al., 2017; Unnever et al., 2017). Первопричины такого неравенства до сих пор служат предметом научного обсуждения. Ряд специалистов рассматривают его как результат системы, в которой доктрина превосходства белой расы (фактически более высокий статус белых людей в американском обществе) снижает суровость системы правосудия по отношению к белым гражданам, вовлеченным в преступную деятельность, а также концентрирует усилия правоохранительных органов на меньшинствах (Isom, 2023). Хотя почти все аспекты судебной системы США тщательно анализируются на предмет наличия неравенства, вынесение приговоров преступникам-террористам является вопиющим исключением.

Ранее исследования по вынесению приговоров за терроризм, как правило, сосредоточивались на конкретных видах терроризма, а не на сравнении всех видов. Ограниченно учитывалась или совсем не учитывалась степень тяжести преступлений. Такие исследования охватывают только дела федерального уровня. Кроме того, большинство доступных исследований указанного неравенства проводились на материалах дел, рассматривавшихся до 11 сентября, включая единственные исследования, в которых сравниваются приговоры, связанные и не связанные с джихадизмом, или анализируются расовые аспекты. Важно, однако, оценить такие различия в приговорах о терроризме после 11 сентября, учитывая широко распространенные опасения по поводу того, что правый терроризм игнорируется или к нему относятся снисходительно, в то время как мусульмане и расовые меньшинства получают более суровые наказания за более легкие преступления террористической направленности¹.

Данная статья устраняет этот пробел в литературе путем анализа уникальной базы данных ($n = 825$) обвиняемых в терроризме, осужденных в период с 2001 по 2018 г. Эта база данных охватывает все виды

¹ Kanno-Youngs, Z. (2019, Oct. 1). Homeland security dept. affirms threat of White supremacy after years of prodding. *New York Times*. <https://www.nytimes.com/2019/10/01/us/politics/white-supremacy-homeland-security.html>; Aaronson, T. (2019, March 23). Homegrown material support: The domestic terrorism law the Justice Department forgot. *The Intercept*. <https://theintercept.com/2019/03/23/domestic-terrorism-material-support-law/>

терроризма как на федеральном уровне, так и на уровне штатов США, выделяет несколько уровней тяжести правонарушений и указывает различия между первоначальными обвинениями и окончательным приговором, а также продолжительность приговора. Это многогранное исследование позволяет провести более полный анализ различий в сроках наказания за терроризм, чем предыдущие работы. Полученные результаты проливают свет на различные аспекты практики вынесения приговоров за терроризм.

Обзор литературы

Неравенство по расовым, этническим и другим основаниям изучалось в самых разных контекстах уголовного правосудия: например, в контексте проверок на дорогах (Roh & Robinson, 2009), наркопреступности (Mitchell & Caudy, 2015) и даже участия в антитеррористических операциях (Norris & Grol-Prokopczyk, 2019). Что касается различий в приговорах, то расовые предубеждения были задокументированы во многих областях, от нарушений правил дорожного движения (Factor & Gur-Arye, 2020) до смертной казни (Donahue, 2014). Например, в одном из исследований было показано, что чернокожие получают примерно на 10 % более длительные сроки заключения, чем белые, осужденные за те же преступления (Rehavi & Starr, 2014). Чтобы понять, существуют ли неоправданные различия, важно учитывать тяжесть преступления и то, предстал ли обвиняемый перед судом. Эти факторы в значительной степени определяют длительность заключения по приговору (Yan & Bushway, 2018).

В работе Ahmed (2016) было выдвинуто предположение, что, как и в случае с наркотиками, борьба с терроризмом непропорционально сильно затрагивает молодые меньшинства и приводит к длительным срокам заключения даже за ненасильственные преступления. Исследований о неравенстве американцев арабского происхождения или мусульман в системе правосудия США недостаточно, но такое неравенство начинает регистрироваться в европейских странах (Bielen et al., 2021). Так, в одном из исследований было показано, что в Великобритании обвиняемые с мусульманскими именами получали почти на 10 % более длительные тюремные сроки, чем другие обвиняемые (Pina-Sanchez & Grech, 2018). В работе Light (2014), посвященной различиям между гражданами и негражданами в судах США, были выявлены различия более значительные, чем различия между представителями меньшинств и белыми. Также были задокументированы различия в приговорах в зависимости от страны или происхождения и гражданства (Logue, 2009).

Ученые предложили несколько подходов для объяснения таких неоправданных различий. Среди них теория «сильной тревоги» (Steffensmeier et al., 2017), гипотеза угрозы со стороны меньшинства (Jordan & Maroun, 2016), гипотеза освобождения (Hester & Hartman, 2017) и теории неосознанных когнитивных предубеждений (Mears et al., 2017). Несмотря на различия, все эти теории предполагают, что неоправданное расовое неравенство является результатом стереотипов об опасности и других качествах меньшинств. Гипотеза освобождения предполагает большее неравенство в отношении менее тяжких преступлений, поскольку более широкие дискреционные полномочия судей в таких делах открывают возможности для влияния внеправовых факторов на принятие решений (Hester & Hartman, 2017).

В нескольких исследованиях рассматривались приговоры по делам о терроризме в США. Основываясь на данных, предоставленных несколькими федеральными правительственными учреждениями, Smith и Dampousse (1996) сравнили террористов, осужденных в период с 1970 по 1991 г., с лицами, не являющимися террористами, и обнаружили, что ярлык «террорист» является самым сильным фактором, влияющим на длительность приговора. Их последующее исследование с использованием тех же данных показало, что юридические переменные в большей степени объясняют различия в приговорах, вынесенных террористам, чем нетеррористам (Smith & Dampousse, 1998). Это подтверждает гипотезу освобождения, поскольку преступления, связанные с терроризмом, считаются более тяжкими и федеральные прокуроры придают им высокий приоритет, что препятствует проявлению дискреционных полномочий судей.

В ходе изучения приговоров за терроризм, проведенного в период с 1980 по 1998 г. с использованием материалов «Исследования проблем терроризма в Америке» (ATS), Smith с соавторами (2002) обнаружили, что террористы из других стран получали более суровые сроки тюремного заключения, чем террористы-американцы. Однако в ходе исследования не учитывалась суровость приговора или влияние признания вины по отношению к участию в суде. Отметим также исследование вынесенных в США приговоров за терроризм, не связанный с джихадом (Murray, 2016). В нем сравнивались дела левых, правых и экотеррористов в период с 1980 по 2012 г.,

на основе анализа данных ATS и проекта по исследованию стратегий обвинения и защиты. Было показано, что экотеррористы получали более мягкие приговоры. Примечательно, что только в этих работах проверялись различия в вынесении приговоров по идеологическому признаку, причем в первой в основном анализировались данные до 11 сентября (без учета степени тяжести), а во второй исключались дела, связанные с джихадом.

Лишь небольшое число исследований по проблеме приговоров за терроризм, направленных на выявление различий, уделяет основное внимание различиям по полу и расе. Недавнее исследование, проведенное с использованием Базы данных по экстремистским преступлениям США (ECDB) (1990–2019), показало, что женщины, осужденные за террористические преступления, получают такие же сроки, как и мужчины, в то время как осужденные за нетеррористические преступления получили значительно меньшие сроки (Corradi, 2023). Другое исследование, основанное на данных ATS (1980–2021), показало, что женщины, обвиняемые в терроризме, получали более короткие сроки и с меньшей вероятностью привлекались к ответственности по статьям о терроризме (Jackson et al., 2023). Изучение дел о терроризме в период с 1980 по 2002 г. на материалах ATS показало, что вероятность прекращения дел латиноамериканцев, обвиняемых в терроризме, была меньшей, а левых и обвиняемых-иностранцев – большей (B. D. Johnson, 2012). В другом исследовании, посвященном вынесению приговоров за терроризм в период с 1980 по 2002 г., обвиняемые в терроризме, по данным ATS, сравнивались с обвиняемыми, не связанными с терроризмом, из базы данных Федерального судебного центра. Авторы обнаружили, что после принятия руководящих принципов средний срок заключения для террористов снизился и что раса и пол являются факторами, определяющими продолжительность заключения как для террористов, так и для нетеррористов (Bradley-Engen et al., 2009). Эти исследования указывают на необходимость оценки расовых различий в более поздних данных, поскольку единственные работы, анализирующие расовые различия, используют данные, полученные до 11 сентября.

Другие исследования по проблеме приговоров за терроризм учитывали различия, однако они анализировали такие вопросы, как временные тенденции вынесения приговоров и влияющие на них факторы. Так, на основе данных, собранных Центром национальной безопасности юридической школы Фордхэма, было проведено исследование судебных преследований ИГИЛ² за период с 2014 по 2017 г. Оно показало, что сроки наказания преступников, связанных с ИГИЛ³, со временем увеличивались, отчасти потому, что в 2015 г. максимальный срок за материальную поддержку терроризма был увеличен с 15 до 20 лет⁴. В более раннем исследовании приговоров, вынесенных ИГИЛ⁵ в период с 2014 по 2016 г., с использованием более ранней версии тех же данных, было выявлено, что средний срок заключения для обвиняемых, связанных с ИГИЛ⁶, составил 9 лет; это ниже, чем для обвиняемых, связанных с «Аль-Каидой»⁷ (Greenberg, 2016). Другое исследование на основе данных ECDB, посвященное убийствам, совершенным правыми экстремистами-американцами, показало, что суровость приговора зависит от нескольких факторов, включая мнение суда о риске повторных правонарушений и связь обвиняемых с экстремистскими группами (Gruenewald et al., 2024).

Небольшое число исследований рассматривает приговоры, выносимые террористам за пределами США. Так, в работе, посвященной терроризму в Великобритании, было установлено, что террористы-джихадисты получали более длительные сроки, чем те, кто руководствовался другими идеологическими мотивами, даже с учетом тяжести преступления. Канадские исследования в этой области фокусируются на изменениях тенденций в вынесении приговоров с течением времени (Amirault & Bouchard, 2015) и влиянии новых законов о терроризме на вынесение приговоров (Amirault et al., 2016).

Если в более ранних работах выявлялись различия по признаку расы, вида терроризма и других факторов, то они либо использовали данные, полученные до 11 сентября, либо исключали материалы по джихадистскому

² ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³ То же.

⁴ Greenberg, K. J. (Ed.). (2016). Case by case: ISIS prosecutions in the United States, March 1, 2014– June 30, 2016. Center on National Security at Fordham Law. <https://static1.squarespace.com/static/5b16a000e17ba39f6f3825ba/t/5d55bbda5e0ed8000152e7cb/1565899739918/CNScasebycaseISISjuly2016.pdf> (ISIS – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

⁵ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ То же.

⁷ «Аль-Каида» – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

терроризму. В последнее время ряд ученых предположили, что право судьи на дискреционные решения приводит к неравенству между правыми и джихадистами, хотя научно это не было подтверждено. Например, правый экстремист, планировавший нападение на федеральное учреждение, не был обвинен в терроризме и получил двухлетний срок заключения, в то время как мусульманин, передавший 200 долларов якобы связанному с ИГИЛ⁸ информатору, был приговорен к 15 годам лишения свободы по Закону о материальной поддержке терроризма⁹. Такие примеры свидетельствуют о том, что к правым террористам относятся более снисходительно, даже несмотря на то, что после 11 сентября в результате правого терроризма в США погибло приблизительно столько же людей, сколько и от джихадистского терроризма¹⁰. Широкая общественность обеспокоена тем, что власти пренебрегают правым терроризмом (Kanno-Youngs, 2019; Norris, 2017); оправданы опасения, что расизм или исламофобия могут привести к более жесткому обращению с обвиняемыми в джихаде (Norris et al., 2024). Следовательно, указанные различия важно изучить эмпирически, что мы и делаем в этой статье.

Данное исследование устраняет очевидный пробел в науке. Единственные работы, в которых сравниваются приговоры обвиняемым в терроризме джихадистов и неджихадистов или оцениваются приговоры за терроризм с учетом расовых различий, используют данные за 1998 или 2002 гг. (B. D. Johnson, 2012; Smith et al., 2002) или данные по Великобритании (Amirault & Bourchard, 2017). Кроме того, до сих пор не проанализированы различия приговоров за терроризм в зависимости от гражданства или от рассмотрения дела в суде штата по сравнению с федеральным судом. Таким образом, наше исследование расширяет понимание различий в вынесении приговоров за терроризм, исследуя все виды терроризма, анализируя факторы расы и гражданства, используя более свежие данные (за 18 лет после событий 11 сентября), включая данные судов штатов и федерального суда, а также учитывая различные уровни тяжести преступлений.

Характеристики настоящего исследования

Как и в исследованиях Murray (2016) и Smith с соавт. (2002), в данной работе рассматриваются различия в приговорах обвиняемым в терроризме, придерживающимся разных идеологий. Однако наше исследование дополнено четырьмя важными аспектами. Во-первых, в отличие от работы Smith с соавт. (2002) мы учитываем тяжесть преступления. Хотя Murray (2016) также учитывает этот параметр, она делит правонарушения на три категории по тяжести, в то время как в настоящем исследовании используются шесть уровней тяжести, что позволяет провести более детальный анализ различий. Это имеет большое значение, поскольку иначе анализ может выявить различия, которые на самом деле объясняются различными уровнями тяжести преступлений обвиняемых, принадлежащих к разным идеологическим или демографическим категориям.

Во-вторых, в нашем исследовании сравниваются приговоры за несколько видов терроризма: джихадистский, правый, левый, сепаратистский и колумбийский терроризм. В работе Smith с соавт. (2002) оценивалась только разница между приговорами за внутренний и международный терроризм, в то время как Murray (2016) сравнивала правый, левый и экологический терроризм. Наше исследование также дополняет работу Murray, проводя различие между разными типами внутри категорий правого и левого терроризма. Мы классифицируем правый и левый терроризм на три подкатегории в каждом. Таким образом, в нашей работе мы выделяем в общей сложности девять идеологических категорий.

Необходимо отметить, что исследователи спорят о целесообразности использования термина «терроризм» по отношению к таким деяниям, как уничтожение собственности, мотивированное идеологией защиты окружающей среды или прав животных (Loadenthal, 2017). Не принимая ничью сторону в подобных дебатах, мы включаем их в наше исследование, потому что государство обычно рассматривает их как формы терроризма, и приговоры, вынесенные таким обвиняемым, следует сравнить с приговорами, вынесенными другим обвиняемым, которых называют террористами. На уровне правительства США «экотерроризм» был однажды назван самой серьезной внутренней террористической угрозой в стране. Существует федеральный Закон

⁸ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Aaronson, T. (2019, March 23). Homegrown material support: The domestic terrorism law the Justice Department forgot. *The Intercept*. <https://theintercept.com/2019/03/23/domestic-terrorism-material-support-law/>

¹⁰ Government Accountability Office. (2017). Countering violent extremism: Actions needed to define strategy and assess progress of federal efforts. <https://www.gao.gov/assets/gao-17-300.pdf>

о борьбе с терроризмом в сфере животноводства, направленный на борьбу с идеологически мотивированными преступлениями активистов по защите прав животных (Hirsch-Hoefler & Mudde, 2014).

В-третьих, в данную работу включены дела, рассмотренные в судах штатов, а не только в федеральном суде, как в предыдущих исследованиях. Это важно, поскольку значительная часть дел о терроризме, не связанном с джихадом, рассматривается судами штата, а не федеральными судами. Исследования показывают, что 82 % убийств, совершенных экстремистами, рассматривались в судах штатов (Chermak et al., 2012).

Наконец, наша работа использует данные, полученные после 11 сентября, в то время как Smith с соавт. (2002) в основном рассматривают преступления, имевшие место до 11 сентября, а исследования Мургау охватывают широкий диапазон лет, но в основном до этих событий. Поскольку трагедия 11 сентября оказала столь значительное влияние на законы и политику, связанные с терроризмом, имеет смысл рассматривать этот период отдельно (Hill et al., 2010).

Основываясь на предыдущих исследованиях и теоретических подходах, изложенных выше, мы выдвигаем следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Длительность заключения по приговору зависит от тяжести преступления.

Гипотеза 2. Длительность заключения по приговору зависит от признания вины.

Гипотеза 3. Длительность заключения по приговору зависит от принадлежности к расовому/этническому меньшинству и от гражданского статуса обвиняемого.

Гипотеза 4. Длительность заключения по приговору зависит от наличия идеологии джихада в составе преступления.

Гипотеза 5. Указанные различия более выражены в случае менее тяжких преступлений (гипотеза освобождения).

Гипотеза 6. Отсутствие идеологии джихада, белая раса и американское гражданство являются факторами смягчения приговора (снижение степени тяжести преступления по приговору по сравнению с первоначальным обвинением).

Данные и методы

Создание всеобъемлющей базы данных, включающей все виды терроризма и дела, возбужденные как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, требует комплексного подхода к сбору данных. В первую очередь мы дополнили материалы, использовавшиеся в предыдущем исследовании, более свежими данными о вынесенных приговорах. Материалы, собранные в работе Norris и Grol-Prokopczyk (2015), содержат 580 дел обвиняемых, арестованных в период с 2001 по 2014 г. (Norris & Grol-Prokopczyk, 2019). Эта база данных была составлена из нескольких источников. Сюда вошли все федеральные дела из базы данных, составленной журналистом Trevor Aaronson на основе «списков судебных преследований Департамента юстиции США (за 2010, 2014 и 2015 гг.), судебные материалы, доступные через систему управления делами федеральной судебной системы, пресс-релизы Департамента юстиции и данные о заключенных из Управления тюрем»¹¹. Поскольку обвинения в терроризме, не связанном с джихадом, обычно не включаются в правительственные списки по делам о терроризме, первоначальная база данных была дополнена делами по «экотерроризму», делами активистов по защите прав животных и правых террористов. Списки таких приговоров взяты из различных онлайн-источников, таких как публикации правозащитной организации «Южный центр правовой защиты бедноты» (*Southern Poverty Law Center*).

Кроме того, для поиска дел по каждой идеологической категории использовались поисковые запросы в Интернете и в базе данных *Newsbank*. Поисковые запросы по базам новостных сюжетов и официальных пресс-релизов о вынесенных обвинительных приговорах осуществлялись по ключевым словам «антиправительственный», «суверенный гражданин», «сторонник движения превосходства белой расы», «правый экстремист», «экотеррорист», «Фронт освобождения Земли», «Фронт освобождения животных», «экстремист», «террорист», а также «приговорен» (с логическим оператором «и»). Таким же образом база данных была рас-

¹¹ Aaronson, T. (2019, March 23). Homegrown material support: The domestic terrorism law the Justice Department forgot. The Intercept. <https://theintercept.com/2019/03/23/domestic-terrorism-material-support-law/>

ширена до 2018 г. Длительность заключения и другие переменные были независимо подтверждены данными официальных пресс-релизов или газетных статей, чтобы избежать неточностей или различий в определениях.

Такой многогранный подход к сбору данных был наиболее целесообразен для нашего исследования, поскольку не все источники данных о вынесении приговоров за терроризм являются всеобъемлющими (Peterka-Benton & Laguardia, 2021; Spaaij & Hamm, 2015). Мы стремились охватить все дела в рамках каждого вида терроризма. В исследование включены все дела по террористическим преступлениям указанных категорий, совершенные как за границей, так и внутри страны, и все обвинительные приговоры, вынесенные судами штатов или федеральными судами США.

Кроме того, мы проанализировали все инциденты, имевшие место с 2000 по 2018 г. и зафиксированные в Глобальной базе данных о терроризме, в результате чего добавили в анализ еще несколько дел. Также мы проанализировали базу данных *TEVUS*, которая содержит материалы *ECDB*, *ATS* и других источников. Для подтверждения длительности приговора в тех случаях, когда она не была указана в других источниках, мы также использовали Список федеральных приговоров за терроризм, опубликованный Департаментом юстиции.

Независимо от источника, каждое дело было проанализировано на предмет его соответствия определению терроризма, принятому в данной работе. Для целей настоящего исследования преступления квалифицировались как терроризм, если они были идеологически мотивированы и имели целью «запугать или принудить гражданское население» или «повлиять на политику правительства путем запугивания или принуждения» (18 USC § 2331). Это означает, что обвиняемые стремились достичь своих идеологических целей, заставляя общественность или государственных чиновников испытывать страх или давление, чтобы они изменили свое поведение в ответ на преступные действия. Чтобы оценить, соответствует ли дело этому определению, были проанализированы действия и заявления ответчиков, описанные в официальных пресс-релизах, новостных сюжетах и в судебных документах, если последние доступны для изучения.

Ошибки включения и исключения были сведены к минимуму благодаря строгим критериям включения и наличию перекрестных ссылок на множество источников по каждому делу. Дела с неоднозначными мотивами или без достаточных подтверждающих доказательств идеологических мотивов были исключены для уменьшения вероятности ложноположительных корреляций. Чтобы предотвратить исключение достоверных случаев, мы провели обширный поиск с использованием нескольких стратегий.

Источники оценивались на предмет надежности и достоверности на основе их происхождения и наличия перекрестных ссылок для обеспечения согласованности. Высоконадежными источниками были признаны официальные пресс-релизы, судебные документы и авторитетные новостные агентства (например, национальные или региональные газеты, такие как *New York Times* или *Chicago Tribune*). Менее известные источники использовались с осторожностью и только в том случае, если они подтверждались другими заслуживающими доверия источниками. В целом достоверность базы данных обеспечивается благодаря комплексным процедурам сбора данных, четким критериям включения случаев и наличию перекрестных ссылок на источники. Протоколы кодирования составлены на основе установленных юридических определений и руководящих принципов вынесения приговоров. Таким образом, наши данные верно отражают тяжесть и другие характеристики террористических преступлений.

Для каждого дела указаны раса/этническая принадлежность преступника, пол, возраст на момент вынесения приговора, вид терроризма, был ли вовлечен информатор, признал ли обвиняемый себя виновным или предстал перед судом, рассматривалось ли дело в федеральном суде или суде штата, длительность приговора, гражданство преступника, год заключения под стражу, было ли дело связано с ИГИЛ¹², выезжали ли преступники за рубеж для участия в террористических группировках, а также тяжесть преступления. Кодировки расы/этнической принадлежности включали белых, чернокожих, представителей Ближнего Востока, Южной Азии, Восточной Азии, латиноамериканцев, представителей смешанной расы, Центральной Азии и коренных американцев. Виды терроризма включали джихадистов, левых, правых, связанных с Колумбией (как левых партизан, так и противостоящих им правых военизированных формирований) и сепаратистов. Помимо этих основных идеологических типов, правый и левый терроризм были подразделены на три отдельные подкатегории каждый, как будет объяснено ниже.

¹² ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Колумбийский терроризм выделили в отдельную категорию из-за большого числа дел и того факта, что он является результатом продолжительных мятежей или гражданской войны в Латинской Америке. В отличие от этого идеологического типа категория сепаратистов в основном включала насильственные сепаратистские движения в азиатских странах. Эти два типа можно было бы объединить в общую категорию иностранного терроризма, не связанного с джихадом, однако мы считаем уместным разделить их из-за большого различия в политических контекстах.

Статус гражданина включает такие виды, как гражданин по рождению, натурализованный гражданин, законный резидент, иммигрант без документов и иностранный гражданин. Физические лица считались иностранными гражданами, если они были гражданами других стран и не проживали в США в момент совершения преступления. В рамках категории «правые» каждое дело кодировалось в зависимости от того, выступал ли преступник против правительства, был сторонником превосходства белой расы или придерживался иных взглядов (пролайферы, выступающие против иммигрантов, против мусульман, сторонники правой идеологии в целом). Категория «левые» также подразделялась на три вида: экотерроризм, защита прав животных и др. Как отмечалось выше, в результате получается в общей сложности девять отдельных идеологических категорий, которые мы включаем во все анализы.

Как пожизненные, так и смертные приговоры кодировались как 50 лет лишения свободы. Хотя смертный приговор по понятным причинам считается более суровым, чем пожизненное заключение, эта разница не поддается количественной оценке, и в любом случае приговор отнимает у осужденных остаток жизни. Другие исследователи также определяли пожизненное заключение как 50 лет (Carlsmith et al., 2007). Мы провели анализ на чувствительность, поочередно кодируя пожизненные и смертные приговоры, например, как 25 лет в обоих случаях или 40 лет для пожизненных приговоров и 50 лет для смертных приговоров. Ни одна из этих альтернативных моделей не повлияла на наши общие выводы.

Два дополнительных соображения подтверждают наше решение о том, что пожизненные и смертные приговоры должны кодироваться одинаково. Во-первых, значительная часть смертных приговоров никогда не приводится в исполнение, что в некотором смысле приравнивает смертный приговор к пожизненному заключению. Например, в Калифорнии содержится 641 заключенный, приговоренный к смертной казни, но с 2006 г. не был казнен ни один, и даже до 2006 г. в год казнили только одного или двоих¹³. В целом только 13 обвиняемых, или 1,6 % от нашей аналитической выборки, были приговорены к смертной казни.

Кроме того, наблюдается растущая тенденция к замене всех смертных приговоров пожизненными заключениями. Это привело к тому, что двум приговоренным к смертной казни в нашей базе данных приговоры были заменены на пожизненные сроки спустя несколько лет после вынесения первоначального приговора¹⁴. В результате одинакового кодирования пожизненных и смертных приговоров наши выводы останутся в силе, даже если приговоры другим подсудимым, приговоренным к смертной казни, будут смягчены после публикации этой статьи.

По тяжести преступления были разделены на шесть категорий в соответствии с базовыми уровнями тяжести правонарушений, указанными в Федеральном руководстве по вынесению приговоров. Высшая категория тяжести (базовый уровень 36 и выше), далее называемая уровнем 6, включает в себя такие преступления, как убийство и непредумышленное убийство. Вторая по значимости категория (от 30 до 35), или уровень 5, включает покушение на убийство, заговор с целью убийства, подстрекательство к убийству и похищение людей или захват заложников. Сюда относится большинство террористических заговоров. Уровень 4 (с 26 по 29) включает материальную поддержку терроризма (18 U.S.C. § 2339B), а также другие преступления, такие как сговор с целью уничтожения оборонных сооружений. Уровень 3 (с 22 по 25) включает такие преступления, как поджог, повреждение имущества с помощью взрывчатых веществ и использование огнестрельного оружия при совершении насильственных преступлений. Уровень 2 (с 15 по 21) охватывает такие преступления, как воспрепятствование осуществлению правосудия, нападение при отягчающих обстоятельствах и незаконное

¹³ Death Penalty Information Center. (2024). Current US death row population by race. <https://deathpenaltyinfo.org/death-row/overview/demographics>; Death Penalty Information Center. (2024). Executions by state and year. <https://deathpenaltyinfo.org/executions/executions-overview/executions-by-state-and-year>

¹⁴ Rush, C. (2022, Dec. 15). Mixed reactions to Oregon governor commuting death row. San Diego Union-Tribune. <https://www.sandiegouniontribune.com/2022/12/15/mixed-reactions-to-oregon-governor-commuting-death-row/>

хранение огнестрельного оружия или взрывчатых веществ. Уровень 1, наименее тяжкая категория (14 и ниже), включает такие преступления, как мошенничество и ложные заявления. Хотя наше исследование включает дела как уровня штатов, так и федерального уровня, все они классифицировались по этим шести категориям тяжести с использованием одних и тех же критериев.

Кроме тяжести преступления, за которое был вынесен обвинительный приговор, каждое дело также кодировалось с точки зрения тяжести предполагаемого основного правонарушения. Так, если в первоначальном пресс-релизе, опубликованном после ареста, власти заявляли, что обвиняемый вступил в сговор с другими лицами с целью совершения нападения, но позже признавали обвиняемого виновным только в совершении преступления с применением оружия, то соответствующая переменная отражает первоначальные обвинения. Это делалось с целью определить, в какой мере разные типы террористов получают смягчение наказания в результате признания вины, решения прокуратуры о предъявлении менее серьезных обвинений или частичного оправдательного вердикта присяжных.

Мы выявили 825 обвиняемых в терроризме. Для одного обвиняемого не удалось установить идеологические мотивы, а для восьмерых – информацию о гражданстве. Исключив эти девять человек, мы получили аналитическую выборку из 816 обвиняемых, в которой содержались данные по всем независимым переменным, и провели анализ в отношении этих обвиняемых. Хотя мы стремились охватить все случаи уголовного преследования за терроризм, наши данные следует рассматривать как выборку за более длительный период времени, включая период до 2001 и после 2018 г. (Ives et al., 2021), а не как полную совокупность. Поэтому мы используем стандартные статистические методы, такие как проверка гипотез.

Результаты исследования

Описательная статистика в табл. 1 показывает характеристики подсудимых с точки зрения демографии, вида терроризма и других переменных. Около половины обвиняемых (52,2 %) руководствовались мотивами джихада, в то время как 28,1 % придерживались правых взглядов, 11,1 % – левых, 5,7 % проживали в Колумбии и 2,8 % были сепаратистами. Что касается расы и этнической принадлежности, то 45,5 % – белые, 16,5 % – чернокожие, 16,9 % – выходцы с Ближнего Востока и 10,5 % – выходцы из Южной Азии. Если кратко обобщить некоторые другие характеристики подсудимых, то около 61 % из них являются гражданами США по рождению, около 93 % – мужчины, около 90 % были привлечены к ответственности в федеральном суде и около 61 % признали себя виновными. Подсудимые принадлежат к различным категориям по возрасту и тяжести преступлений.

Таблица 1

Характеристики обвиняемых в терроризме и средняя длительность приговоров, 2001–2018 гг. (n = 816)

Table 1. Characteristics of Terrorism Defendants and Mean Sentence Length, 2001–2018 (n = 816)

Характеристика / Characteristic	Категории / Categories	Кол-во дел / # of cases	Доля выборки, % / % of total sample	Средний срок заключения (лет) / Average sentence (years)
Тип терроризма / Terrorism Type	Джихадисты / Jihadi	424	52,2	16,6
	Правые / Right-Wing	232	28,1	16,9
	Антиправительственный / Anti-Government	112	13,7	15,8
	Превосходство белой расы / White Supremacist	75	9,2	18,4
	Другое / Other	45	5,5	17,3
	Левые / Left-Wing	90	11,1	5,8
	Экотерроризм / Environmental	48	5,9	5,4
	Права животных / Animal Rights	15	1,8	33
	Другое / Other	27	3,3	7,9
	Колумбийцы / Colombia-related	47	5,7	12,5
	Сепаратисты / Separatist	23	2,8	82

Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

Характеристика / Characteristic	Категории / Categories	Кол-во дел / # of cases	Доля выборки, % / % of total sample	Средний срок заключения (лет) / Average sentence (years)
Раса и этническая принадлежность / Race/Ethnicity	Белые / White	371	45,5	14,1
	Чернокожие / Black	135	16,5	17,0
	Выходцы из Ближнего Востока / Middle-Eastern	138	16,9	15,3
	Выходцы из Южной Азии / South Asian	86	10,5	14,8
	Латиноамериканцы / Hispanic/Latino	58	7,1	13,1
	Смешанное происхождение / Mixed	8	1,0	38,5
	Другое (Восточная и Центральная Азия, коренные американцы) / Other (East/Central Asian, Nat. Am.)	20	2,5	14,7
Гражданство / Citizenship ship	Гражданин США по рождению / Native-born citizen	496	60,8	14,7
	Натурализованный гражданин США / Naturalized citizen	102	12,5	15,6
	Законный резидент / Legal resident	61	7,5	14,9
	Незаконный иммигрант / Undocumented immigrant	21	2,6	23,8
	Иностранец / Foreign national	136	16,7	14,6
Пол / Gender	Мужчины / Male	756	92,7	15,4
	Женщины / Female	60	7,4	10,2
Возраст / Age	17–25	185	22,8	14,2
	26–35	263	32,4	15,2
	36–50	224	27,6	14,7
	51	140	17,2	16,9
Юрисдикция / Jurisdiction	Федеральный суд / Federal	731	89,6	13,9
	Суд штата / State	85	10,4	24,4
Наличие информатора / Informant Use	Да / Informant	446	54,7	13,3
	Нет / Non-Informant	370	45,3	17,2
Диспозиция / Disposition	Признал вину / Guilty Plea	499	61,2	10,4
	Осужден судом / Conviction at Trial	317	38,9	22,3
Приговор / Sentence Type	Пожизненное заключение / Life Sentence	61	7,5	50,0***
	Смертный приговор / Death Sentence	13	1,6	50,0***
	Не пожизненное заключение / Non-Lite Prison Term	722	88,5	11,9
	Без тюремного заключения / No Prison Term	20	2,5	0,0
Период / Year	2001–2003	57	7,0	15,0
	2004–2006	96	11,8	12,00
	2007–2009	149	18,3	13,4
	2010–2012	154	18,9	15,8
	2013–2015	180	22,1	16,7
	2016–2018	180	21,1	15,8

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Характеристика / Characteristic	Категории / Categories	Кол-во дел / # of cases	Доля выборки, % / % of total sample	Средний срок заключения (лет) / Average sentence (years)
Тяжесть преступления / Severity	1 (Мошенничество, контрабанда / Fraud, Smuggling)	52	6,4	3,6
	2 (Имущественные преступления / Possession, Property Crimes)	166	20,3	6,8
	3 (Насильственные действия, применение взрывчатых веществ / Violence, Explosives Use)	129	15,8	11,0
	4 (Финансирование терроризма / Material Support)	277	34,0	12,4
	5 (Заговор, покушение на убийство / Violent Plot, Attempted Murder)	147	18,0	27,0
	6 (Убийство / Murder)	45	5,5	47,5
Всего / Total		816	100,0	15,0

*Примечание: **** Как указано в тексте, пожизненное заключение и смертный приговор кодируются одинаково как заключение на 50 лет.

*Note: **** As explained in the text, both life and death sentences were coded for 50 years.

Существуют ли различия в длительности тюремного заключения по признаку расы, вида терроризма или гражданства?

В табл. 2 представлены регрессии по методу наименьших квадратов показателя длительности тюремного заключения в зависимости от демографических и юридических факторов. По нашим данным, асимметрия длительности тюремного заключения (1.3) немного выходит за рамки допустимых значений по ряду критериев (Townsend et al., 2016), но находится в пределах допустимых значений по другим критериям (Hair et al., 2010; Kline, 2016)¹⁵. Учитывая это, а также продолжающиеся дебаты о применимости логарифмического преобразования зависимых переменных (Dunlap et al., 1994; Villadsen & Wulff, 2021), мы представляем регрессии с использованием как исходной, так и логарифмически преобразованной длительности тюремного заключения.

Представленный в табл. 2 регрессионный анализ исходной длительности тюремного заключения показывает, что предикторами более длительных сроков заключения являются: смешанное происхождение, мотивация всех трех подкатегорий правого экстремизма, статус незаконного иммигранта и гражданство другой страны. Поскольку группа смешанного происхождения небольшая и охватывает лишь около 1 % от общего числа данных, ее включение отражает, вероятно, стохастические вариации, а не предвзятое отношение к лицам смешанного происхождения¹⁶.

Принадлежность к сепаратизму и колумбийскому терроризму однозначно связана с более короткими сроками заключения. Регрессия с учетом логарифмически преобразованной длительности тюремного заключения, приведенная в табл. 2, дает аналогичные результаты, за исключением того, что антиправительственная идеология и категории гражданства перестают быть предикторами более длительных сроков заключения, а мотив защиты прав животных незначительно сокращает сроки заключения.

¹⁵ Кроме того, оставшиеся данные, не подвергнутые трансформации, не соответствовали нормальному распределению по критериям Шапиро – Уилка и Колмогорова – Смирнова ($p < 0,01$ в обоих случаях), но соответствовали нормальному распределению после логарифмического преобразования с добавлением константы 2. Поскольку тем самым нарушаются условия метода наименьших квадратов, это дает еще одну причину для логарифмического преобразования параметра длительности тюремного заключения (Villadsen & Wulff, 2021).

¹⁶ Этот результат может вызвать вопрос о том, можно ли объединить некоторые группы этой категории для увеличения размера каждой из них. Однако единственным вариантом было бы объединить группы «смешанное происхождение» и «другое», создав более крупную группу «другое». В альтернативной регрессии (не показана) эта группа также показывает более высокие параметры длительности тюремного заключения. Поскольку этот результат, по сути, получен исключительно в отношении подгрупп смешанного происхождения, а не остальных представителей группы «другие», мы предпочитаем выделять эти две группы отдельно, чтобы избежать ошибочной интерпретации результатов.

Таблица 2

Регрессии по методу наименьших квадратов, показывающие различия в сроках приговоров в зависимости от демографических и правовых характеристик ($n = 816$)

Table 2. OLS Regressions of Sentence Length on Demographic and Legal Variable ($n = 816$)

Переменная / Variable	Длительность заключения / Sentence Length		Логарифм длительности заключения / Log of Sentence Length	
	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / SE	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / SE
Раса и этническая принадлежность (относительно белых) / Race/Ethnicity (Ref., White)				
Чернокожие / Black	-1,1	1,5	0,09	0,09
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Middle-Eastern/South Asian	-1,6	1,5	0,03	0,09
Латиноамериканцы / Hispanic	1,1	2,0	0,12	0,11
Смешанное происхождение / Mixed Race	16,3***	3,9	79***	0,22
Другое / Other	2,5	2,0	0,17	0,16
Тип терроризма (отн. джихадистов) / Terrorism (Ref., Jihadi)				
Сепаратисты / Separatist	-9,1***	2,5	-0,57***	0,15
Колумбийцы / Colombian	-9,4***	2,3	-0,35**	0,13
Экотерроризм / Environmental	0,2	2,1	-0,10	0,12
Права животных / Animal Rights	-1,1	3,1	-0,31^	0,18
Другие левые / Other Left Wing	-0,9	2,4	-0,14	0,14
Антиправительственный / Anti-Government	4,3**	1,7	0,10	0,10
Превосходство белой расы / White Supremacist	6,1***	1,8	32**	0,11
Другие правые / Other Right Wing	5,8***	2,0	0,27*	0,12
Гражданство (отн. граждан США по рождению) / Citizenship (Ref., Native-born)				
Законный резидент / Legal Resident	-0,1	1,7	-0,10	0,10
Натурализованный гражданин США / Naturalized Citizen	2,1	1,4	<0,01	0,08
Незаконный иммигрант / Undocumented Immigrant	5,3*	2,5	0,17	0,15
Иностранец / Foreign National	6,5***	1,5	0,14	0,09
Пол (отн. мужчин) / Gender (Ref., Male)	-2,1	1,5	-0,12	0,09
Тяжесть преступления / Crime Severity	-4,0***	0,3	37***	0,02
Судебный процесс (отн. признания вины) / Trial (Ref., Guilty plea)	6,3***	0,3	41***	0,05
Федеральный суд (отн. суда штата) / Federal Court (Ref., State court)	-1,4	1,4	0,07	0,08
Постоянное слагаемое / Intercept	-10,5***	2,5	0,87***	0,15

Примечание: $F = 37,6$ & $38,3$, $p < 0,001$. Скорректированный коэффициент детерминации (в обоих случаях) = $0,49$, $^{\wedge} p < 0,10$, $^* p < 0,05$, $^{**} p < 0,01$, $^{***} p < 0,001$.

Note: $F = 37,6$ & $38,3$, $p < 0,001$. Adj. R-Squared (both) = $0,49$, $^{\wedge} p < 0,10$, $^* p < 0,05$, $^{**} p < 0,01$, $^{***} p < 0,001$.

Рассмотрение дела в суде штата или федеральном суде не влияло на длительность тюремного заключения. Однако дополнительная модель (не показана) выявила значимую связь между наличием идеологии превосходства белой расы и рассмотрением дела в федеральном суде. Сторонники этой идеологии получали более суровые приговоры в федеральном суде, чем в суде штата, с учетом равноценной тяжести преступления и других факторов.

Как и ожидалось, тяжесть преступления и факт признания вины оказывали существенное влияние на длительность заключения, что подтверждает гипотезы 1 и 2. Эти результаты также частично подтверждают гипотезы 3 и 4, поскольку джихадисты получают более длительные сроки заключения, чем некоторые группы, не связанные с джихадом, а незаконные иммигранты и иностранцы получают более длительные сроки заключения, чем граждане США.

Можно было бы ожидать, что расовая принадлежность, гражданский статус и идеология тесно взаимосвязаны, что приводит к потенциальным проблемам коллинеарности. Однако на самом деле, хотя расовая принадлежность и идеология в некоторой степени взаимосвязаны, внутри идеологических категорий сохраняется значительное разнообразие. Например, среди обвиняемых в джихаде 47,6 % были выходцами с Ближнего Востока или из Южной Азии, 29 % – чернокожими, 14,6 % – белыми и 4,5 % – латиноамериканцами. Расовые категории иногда также довольно разнообразны с точки зрения идеологии. В частности, среди белых обвиняемых 59 % придерживались правых взглядов, 17 % – идеологии джихадизма и 23 % – левых взглядов.

В любом случае, чтобы формально оценить коллинеарность наших данных, мы рассчитали фактор увеличения дисперсии (*VIF*) для каждой прогностической переменной. Все значения *VIF* были ниже 2, что указывает на то, что мультиколлинеарность не является существенной проблемой (Fox & Monette, 1992). Кроме того, модели пошаговой регрессии, оценивающие альтернативные комбинации предикторов на основе показателей *AIC*, не дают оснований для исключения переменных. Тем не менее мы провели анализ чувствительности, чтобы определить, повлияло ли включение определенных прогностических переменных на общие результаты.

В частности, мы выполнили три регрессионных анализа, каждый из которых включал только одну из трех основных объясняющих переменных, связанных с неоправданным неравенством. Этими переменными были расовая принадлежность, гражданство и идеология. Единственное различие в результатах этих анализов заключалось в том, что для чернокожих и выходцев из стран Ближнего Востока и Южной Азии модель предсказывала более короткие сроки заключения, а для незаконных иммигрантов и иностранных граждан – не предсказывала более длительные сроки заключения. Эти результаты свидетельствуют о том, что полная модель, приведенная в табл. 2, предпочтительнее. Она показывает, что только после учета как расовой принадлежности, так и гражданства стало ясно, что отсутствие документов и иностранное гражданство предполагают более длительные сроки заключения, в то время как расовая принадлежность сама по себе оказывает незначительное влияние. Более того, только после учета расовой принадлежности и идеологии выяснилось, что более длительные сроки наказания были обусловлены не принадлежностью к белой расе, а крайне правой идеологией.

Являются ли различия более выраженными для преступлений меньшей тяжести?

Чтобы оценить гипотезу 5, которая, в соответствии с гипотезой освобождения, предсказывает большие различия в отношении менее тяжких преступлений, мы выполнили ту же регрессию по методу наименьших квадратов, что и выше, но ограничили анализ преступлениями с уровнем тяжести от 1 до 3 (наименее тяжкие преступления). В этой регрессии чернокожие обвиняемые получили более длительные сроки заключения, чем белые (уровень значимости близок к общепринятым критериям – $p = 0,07$), и, как и в полной модели, сторонники превосходства белой расы получили более длительные сроки заключения ($b = 4,16$, $SE = 2,11$, $p = 0,05$). Интерактивная модель как альтернативный способ сравнения различий с бинарным высоким (от 4 до 6) или низким (от 1 до 3) уровнем тяжести дает аналогичные результаты для чернокожих обвиняемых, приближаясь к достаточному уровню значимости ($b = -4,8$, $SE = 2,8$, $p = 0,089$). Анализ по уровням показал, что значительно более высокие сроки наказания назначались чернокожим обвиняемым только за преступления уровней 3 ($t = 4,3$, $p < 0,01$, $d = 0,94$ по Коэну) и 5 ($t = 2,1$, $p = 0,04$, $d = 0,44$ по Коэну), а обвиняемые с Ближнего Востока и Южной Азии получали более длительные сроки заключения только за преступления пятого уровня тяжести ($t = 3,1$, $p < 0,01$, $d = 0,64$ по Коэну).

Чтобы представить максимально подробную информацию об указанных различиях, приведем средние сроки тюремного заключения для каждой группы в пределах каждого уровня тяжести преступления (табл. 3). Критерии статистической значимости в этой таблице опущены, поскольку наши данные включают почти всю совокупность уголовных дел за терроризм в США за период исследования (только 1 % дел был исключен из-за отсутствия данных). Как было показано, чернокожие обвиняемые получали в среднем более высокие сроки, чем белые, за преступления всех степеней тяжести, кроме 4-й, а обвиняемые из стран Ближнего Востока

и Южной Азии получили более длительные сроки, чем белые, за преступления четырех степеней тяжести, как и латиноамериканцы и лица смешанного происхождения. Иностранцы получали более суровые наказания, чем лица, родившиеся в США, только на 5-м уровне тяжести, а незаконные иммигранты получали более длительные сроки только на 5-м и 6-м уровнях. Натурализовавшиеся граждане получали более суровые наказания, чем лица, родившиеся в США, на всех уровнях, кроме одного, а законные резиденты получали более длительные сроки на трех уровнях.

Что касается идеологических категорий, то самым поразительным результатом является то, что сепаратисты, колумбийцы и все три категории обвиняемых с левыми взглядами получили меньшие сроки заключения, чем джихадисты во всех категориях тяжести, в которых они фигурировали, за исключением колумбийцев, которые получили более длительные сроки заключения на уровне 2. Более того, джихадисты получали более длительные сроки заключения, чем обвиняемые в антиправительственных действиях на трех уровнях тяжести. Единственными террористами, которые получали более длительные сроки заключения, чем джихадисты, более чем по одной категории, были сторонники превосходства белой расы, которые получали более длительные сроки заключения по четырем самым низким степеням тяжести. Результаты, приведенные в табл. 3, следует рассматривать как предварительные, поскольку, хотя в этом исследовании была предпринята попытка охватить всю совокупность лиц, осужденных за терроризм в этот период времени, возможно, что некоторые дела были пропущены, и данные также можно рассматривать как выборку за более обширный период времени.

Поэтому в качестве дополнительного способа оценки различий по степени тяжести преступлений для каждого уровня тяжести были построены отдельные многомерные регрессии; это позволило учесть влияние выхода на судебное разбирательство и других переменных¹⁷. Данные, приведенные в табл. 4 (уровень 6 опущен из-за отсутствия значимых результатов), показывают, что неравенство по признакам расы, идеологической принадлежности или гражданства заметно зависит от степени тяжести преступления. Натурализованные граждане, нелегальные иммигранты и иностранцы получали значительно более суровые наказания, но только на уровне 5. Сторонники превосходства белой расы получили значительно более суровые приговоры только по 2-му уровню тяжести. Низкая степень неравенства по признаку расы свидетельствует о том, что при вынесении приговоров делается поправка на аспекты идеологии и гражданства, хотя чернокожие получают значительно более высокие сроки наказания, чем белые, на 3-м уровне тяжести преступлений, а выходцы с Ближнего Востока или Южной Азии получают более низкие сроки наказания, чем белые, на 4-м уровне¹⁸. На 2-м уровне тяжести преступлений джихадисты получают значительно более высокие сроки наказания, чем сепаратисты, а также чем сепаратисты и колумбийцы на 5-м уровне. Федеральный суд прогнозирует более длительные сроки заключения только на 1-м уровне тяжести, что еще раз свидетельствует о том, что суды штатов хорошо подготовлены для рассмотрения дел о терроризме. Женщины получают более длительные сроки заключения, чем мужчины, на 2-м уровне тяжести, но более короткие – на 4-м уровне (который в основном касается материальной поддержки терроризма).

В целом наши результаты не подтверждают гипотезу освобождения (гипотеза 5), поскольку неравенство не всегда более выражено в отношении преступлений меньшей тяжести. С одной стороны, в высшей категории тяжести преступлений случаи неравенства немногочисленны и незначительны, а некоторые выводы, связанные с проявлениями неравенства (например, более суровые приговоры сторонникам превосходства белой расы и чернокожим), наиболее убедительны на более низких уровнях тяжести. Однако на втором по значимости уровне тяжести (уровень 5) мы видим убедительные доказательства наличия нескольких типов неравенства. При самом низком уровне тяжести иммигранты получают меньшие сроки наказания, чем граждане, родившиеся в США, что противоречит гипотезе освобождения.

¹⁷ В данном случае уместны отдельные регрессии по уровням тяжести преступления, поскольку интерактивные модели были бы громоздкими и сложными для интерпретации, учитывая шесть уровней тяжести и 21 переменную, относящуюся к различиям.

¹⁸ Мы провели альтернативный регрессионный анализ, чтобы проверить, изменит ли результаты включение в модели только этнической принадлежности, но не идеологии или гражданства. Единственным заметным отличием было то, что на уровне 5 происхождение из Ближнего Востока и Южной Азии оказалось фактором более длительных сроков тюремного заключения.

Таблица 3

**Средняя продолжительность приговора в годах в зависимости от степени тяжести
и характеристик подсудимого (n = 816)**
Table 3. Average Sentence Length in Years by Severity Level and Defendant Attributes (n = 816)

Переменная / Variable	Уровень 1 / Level 1	Уровень 2 / Level 2	Уровень 3 / Level 3	Уровень 4 / Level 4	Уровень 5 / Level 5	Уровень 6 / Level 6
Раса и этническая принадлежность / Race/Ethnicity	6,5	7,8	20,0	12,1	27,8	50,0
Чернокожие / Black	2,7	6,7	10,3	14,7	21,2	46,8
Белые / White	3,7	6,1	15,0	12,1	31,4	50,0
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid.-East/S. Asian	3,8	8,3	10,1	10,4	25,1	50,0
Латиноамериканцы / Hispanic	–	–	32,0	20,7	46,3	50,0
Смешанное происхождение / Mixed Race	1,2	5,5	2,8	16,0	50,0	50,0
Другое / Other	6,5	7,8	20,0	12,1	27,8	50,0
Тип терроризма / Terrorism Type						
Сепаратисты / Separatist	–	1,9	2,3	9,1	24,5	–
Джихадисты / Jihadi	3,9	6,9	13,6	13,0	50,7	50,0
Колумбийцы / Colombian	1,8	10,0	–	9,7	20,8	–
Экотерроризм / Environmental	0,5	2,2	6,2	–	–	–
Права животных / Animal Rights	0,5	2,8	6,1	–	–	–
Другие левые / Other Left Wing	0,0	4,4	5,9	–	11,7	50,0
Антиправительственный / Anti-Government	–	6,3	18,7	–	19,9	45,2
Превосходство белой расы / White Supremacist	10,0	11,3	14,1	8,1	19,3	47,4
Другие правые / Other Right Wing	0,0	8,3	11,6	–	23,7	50,0
Гражданство / Citizenship						
Гражданин США по рождению / Native-born Citizen	4,8	6,8	10,9	12,8	21,7	47,4
Законный резидент / Legal Resident	2,2	4,5	12,1	13,1	31,0	–
Натурализованный гражданин США / Naturalized Citizen	3,2	11,4	11,7	13,4	29,0	50,0
Незаконный иммигрант / Undocumented	2,0	–	–	12,5	38,6	50,0
Иностранец / Foreign National	3,0	5,2	–	10,9	34,2	–
Женщины / Female	4,0	11,8	5,9	8,0	17,6	40,0
Мужчины / Male	3,5	6,4	11,6	12,8	27,3	48,1
Судебный процесс / Trial	4,6	9,6	18,9	15,1	30,5	49,0
Признание вины / Guilty Plea	3,2	5,8	7,7	11,0	19,2	45,2
Федеральный суд / Federal Court	3,6	6,8	10,7	12,4	27,9	49,4
Суд штата / State Court	0,0	6,3	12,4	–	19,7	46,5
Общее среднее / Overall Average	3,4	6,8	11,0	12,4	27,0	47,5

Гипотезы 3 и 4, которые предполагают неравенство по признаку расы, гражданства и идеологии, получили некоторое подтверждение, поскольку в некоторых расовых, гражданских и идеологических группах сроки заключения были более длительными. Однако обвиняемые, придерживающиеся правых взглядов (особенно сторонники превосходства белой расы), получали более длительные сроки заключения, чем джихадисты. Кроме того, различия по признаку расы и гражданства были выявлены не для каждой группы небелых граждан или лиц, не являющихся коренными жителями.

Различия в снижении тяжести обвинительного приговора по сравнению с первоначальным обвинением

Далее мы приводим анализ снижения тяжести преступлений, за которые было фактически вынесено обвинительное заключение, по сравнению с тяжестью предполагаемого правонарушения (выраженной в первоначальных обвинениях и/или публичных заявлениях властей при аресте). Во многих случаях ФБР или прокуратура обвиняют подсудимых в совершении определенных серьезных преступлений, таких как

заговор с целью совершения террористических актов, однако в конечном итоге они признаются виновными только в относительно незначительных правонарушениях.

Предположительно, такие первоначальные утверждения (независимо от того, оформлены они официально в качестве обвинений или нет) отражают добросовестное мнение властей о наиболее тяжком преступлении обвиняемых, хотя такие заявления также могут быть направлены на то, чтобы повлиять на судью при вынесении приговора. Например, в одном деле, связанном с обвинениями в применении огнестрельного оружия, прокурор заявил, что обвиняемый якобы готовил заговор с применением насилия: «Мы считаем, что иногда судье важно знать о вещах, которые могут перерасти в обвинения, а могут и не перерасти»¹⁹. Подобное «снижение», когда подсудимым предъявляются обвинения в менее тяжких преступлениях, чем те, в совершении которых они первоначально обвинялись, является возможным источником неравенства и с этой точки зрения анализируется в данной статье.

Таблица 4

Регрессии по методу наименьших квадратов, показывающие различия в сроках приговоров в зависимости от степени тяжести преступления (n = 816)

Table 4. OLS Regressions Measuring Sentencing Disparities by Severity Level (n = 816)

Переменная / Variable	Уровень 1 / Level 1	Уровень 2 / Level 2	Уровень 3 / Level 3	Уровень 4 / Level 4	Уровень 5 / Level 5
Раса и этническая принадлежность (относительно белых) / Race/Ethnicity (Ref., White)					
Чернокожие / Black	3,39 (2,89)	0,93 (3,39)	10,54 (5,22)*	-3,02 (1,87)	1,00 (3,87)
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid.-East/S. Asian	1,68 (1,69)	-4,32 (4,59)	2,26 (5,43)	-3,20 (1,91)^	0,56 (3,78)
Латиноамериканцы / Hispanic	2,72 (2,28)	2,60 (3,66)	-3,97 (4,31)	-1,04 (2,98)	4,15 (5,02)
Смешанное происхождение / Mixed Race	-	-	12,24 (9,38)	6,27 (6,38)	24,50 (7,26)***
Другое / Other	0,98 (4,13)	15,80 (7,42)*	-5,92 (11,09)	-0,20 (3,26)	17,78 (13,45)
Тип терроризма (отн. джихадистов) / Type (Ref., Jihadi)					
Сепаратисты / Separatist	-	-20,62 (9,47)*	-0,90 (12,78)	-3,42 (2,45)	-22,11 (13,24)^
Колумбийцы / Colombian	-2,09 (2,97)	0,69 (8,96)	-	-2,82 (2,75)	-22,37 (5,01)***
Экотерроризм / Environmental	-4,13 (2,90)	-3,76 (4,12)	1,44 (4,21)	-	-
Права животных / Animal Rights	-4,64 (3,94)	-6,17 (3,82)	0,52 (5,92)	-	-
Другие левые / Other Left Wing	-	-0,95 (3,33)	0,56 (5,55)	-	-3,90 (6,36)
Антиправительственный / Anti-Government	-	0,45 (3,08)	6,47 (4,42)	-	2,78 (4,80)
Превосходство белой расы / White Supremacist	4,86 (3,94)	6,48 (3,26)*	3,21 (4,16)	-5,58 (8,82)	3,96 (6,33)
Другие правые / Other Right Wing	-5,14 (3,94)	0,98 (3,71)	5,16 (4,23)	-	6,56 (8,82)
Гражданство (отн. граждан США по рождению) / Citizenship (Ref., Nat- born)					
Законный резидент / Legal Resident	-4,92 (2,02)*	-2,50 (4,57)	-6,74 (6,74)	0,65 (1,82)	6,44 (4,44)
Натурализованный гражданин США / Naturalized Citizen	-3,63 (1,57)*	8,29 (4,72)^	0,36 (6,42)	1,71 (1,57)	7,03 (3,69)^
Незаконный иммигрант / Undocumented	-4,82 (3,75)	-	-	0,10 (2,80)	15,90 (5,10)**
Иностранец / Foreign National	-4,03 (1,63)*	2,97 (4,07)	-	1,40 (1,81)	20,43 (3,73)***
Пол (отн. мужчин) / Gender (Ref., Male)	-1,02 (1,92)	7,91 (2,45)**	-2,44 (2,85)	-4,81 (2,10)*	-11,92 (6,27)^
Судебный процесс (отн. признания вины) / Trial (Ref., Guilty plea)	0,99 (1,29)	6,08 (1,42)***	11,00 (2,45)***	3,54 (1,20)**	11,44 (2,44)***
Федеральный суд (отн. суда штата) / Federal Ct. (Ref., State court)	1,65 (,81)*	1,87 (2,30)	2,98 (2,41)	--	6,16 (4,35)
Постоянное слагаемое / Intercept	<0,01 (3,49)	1,88 (3,71)	2,75 (4,79)	13,68 (1,70)***	7,59 (5,73)

Примечание: ^ $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Уровень 6 не показан, так как все результаты на этом уровне не были статистически значимыми.

Notes: ^ $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Level 6 is not shown due to consistently non-significant results.

¹⁹ Whitehurst, L. (2014, Sept. 14). Provo man targeted by terror task force takes plea deal. Daily Herald (Utah). <https://www.heraldextra.com/news/2014/sep/14/provo-man-targeted-by-terror-task-force-takes-plea-deal/>

В табл. 5 представлены двумерные статистические данные, показывающие, что для некоторых групп подсудимых снижение тяжести приговора действительно отличается по величине. В частности, колумбийцы, защитники окружающей среды и прав животных в среднем получают значительно меньшее снижение приговора, чем джихадисты, что противоречит гипотезе 6. Однако снижение тяжести приговора для антиправительственных террористов оказывается значительно большим, чем для джихадистов, что соответствует гипотезе 6. Чернокожие, латиноамериканцы, выходцы с Ближнего Востока/Южной Азии и лица смешанного происхождения получали более незначительное снижение, чем белые, что также подтверждает гипотезу 6. Таким образом, наша гипотеза 6 оказалась верна для обвиняемых в антиправительственных действиях и большинства групп расовых меньшинств, но не для сторонников превосходства белой расы, левых и иностранцев, не являющихся джихадистами.

Таблица 5

Различия в снижении тяжести приговора в зависимости от характеристик обвиняемых ($n = 816$)**Table 5. Differences in Severity Level Discounts by Defendant Attributes ($n = 816$)**

	Среднее снижение / Mean Discount	Значение t / t -statistic	Значение p / p -value	Коэффициент Коэна d^* / Cohen's d^*
Раса / Race				
Чернокожие / Race Black	0,36	-3,1	<0,01 *	-0,26
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid-East/S. Asian	0,48	-1,7	0,09	-0,14
Латиноамериканцы / Hispanic	0,26	-3,0	<0,01 *	-0,34
Смешанное происхождение / Mixed	0,13	-3,7	<0,01 *	-0,45
Другое / Other	0,75	0,4	0,67	0,10
Белые (точка отсчета) / White (Ref.)	0,64			
Гражданство / Citizenship				
Законный резидент / Legal Resident	0,46	-0,8	0,41	-0,11
Натурализованный гражданин США / Naturalized	0,43	-1,2	0,22	-0,13
Незаконный иммигрант / Undocumented	0,43	-0,7	0,50	-0,13
Иностранец / Foreign National	0,44	-1,3	0,20	-0,12
Гражданин США по рождению (точка отсчета) / Native-b. (Ref.)	0,57			
Тип терроризма / Terrorism Type				
Сепаратисты / Separatist	0,35	-0,7	0,50	-0,12
Колумбийцы / Colombian	0,06	-3,2	<0,01 *	-0,41
Экотерроризм / Environmental	0,19	-3,2	<0,01 *	-0,29
Права животных / Animal Rights	0,07	-4,8	<0,01 *	-0,40
Другие левые / Other Left Wing	0,67	1,0	0,35	0,20
Антиправительственный / Anti-Government	1,10	4,7	<0,01 *	0,59
Превосходство белой расы / White Supremacist	0,59	0,9	0,40	0,12
Другие правые / Other Right Wing	0,47	0,0	0,99	<0,01
Джихадисты (точка отсчета) / Jihadi (Ref.)	0,46			

Примечание: * значения p ниже 0,01 отмечены звездочкой, что означает статистически значимые результаты. Коэффициент Коэна d показывает величину эффекта: очень малая ($|d| < 0,2$), малая ($|d|$ от 0,2 до 0,5), средняя ($|d|$ от 0,5 до 0,8), большая ($|d| > 0,8$).

Note: * P -values of below 0,01 are marked with an asterisk to highlight statistically-significant results. Cohen's d values indicate whether effect sizes are very small ($|d| < 0,2$), small ($|d|$ 0,2 to 0,5), medium ($|d|$ 0,5 to 0,8), or large ($|d| > 0,8$).

Величина эффекта (коэффициент Коэна d) используется в качестве показателя величины неравенства. Значения ниже 0,2 считаются «очень малыми», между 0,2 и 0,5 – «малыми», между 0,5 и 0,8 – «средними», выше 0,8 – «большими» (Cohen, 1988). В табл. 5 показано, что величина эффекта для большинства статистически значимых результатов мала, но является «средней» для обвиняемых в антиправительственных действиях и близка к средней для колумбийцев, защитников прав животных и лиц смешанного происхождения.

В многофакторной регрессионной версии этого анализа (не показана), включающей все потенциальные факторы одновременно, оставались значимыми те же виды терроризма: колумбийский терроризм, борьба за права животных и защита окружающей среды связаны с более низкой величиной снижения тяжести приговора, в то время как антиправительственный терроризм – с более высокой. Никакие другие переменные, связанные с неравенством, такие как раса или гражданство, существенно не влияли на снижение степени тяжести приговора.

Самым неожиданным результатом данного анализа является значительно более высокое снижение суровости приговора в группе обвиняемых в антиправительственных акциях, чем в любой другой группе. Это может быть связано с тем, что в первоначальных официальных пресс-релизах о деятельности антиправительственных экстремистов описываются, как правило, их планы совершения террористических актов, в то время как на практике их часто осуждают за преступления более низкого уровня. Возможно, позже прокуратура понимает, что доказательств преступного сговора недостаточно, и это чаще случается с данной категорией дел. Однако также возможно, что это снижение является результатом снисходительного отношения к обвиняемым в антиправительственных акциях. Этот вывод соответствует структурно-контекстуальной теории, поскольку вполне вероятно, что полиция и прокуратура более тесно сотрудничают при вынесении длительных приговоров джихадистам из-за приоритетности этих дел после 11 сентября.

Более незначительное (в среднем) снижение тяжести приговоров для колумбийцев, вероятно, объясняется тем фактом, что большинство из них обвинялись в материальной поддержке терроризма и были осуждены за это. Осудить за материальную поддержку легко, учитывая широкий спектр возможных действий, которые могут рассматриваться как материальная поддержка; это может также объяснять отсутствие большого снижения приговоров для джихадистов (Price et al., 2012). Например, 24 % обвиняемых в джихаде, которые, как предполагалось, участвовали в террористических заговорах (преступление 5-го уровня), были в итоге осуждены за материальную поддержку терроризма (преступление 4-го уровня). Однако к обвиняемым в антиправительственных действиях пятого уровня законы о материальной поддержке в значительной степени неприменимы (Norris, 2020b), что приводит к сделкам о признании вины за преступления более низкого уровня.

Наиболее распространенная комбинация – это первоначальное обвинение в антиправительственных действиях 5-го уровня (например, в заговоре с целью совершения террористической атаки) и реальное осуждение за преступление 2-го уровня (например, за незаконное хранение огнестрельного оружия). Это сочетание было обнаружено у 29 % всех антиправительственных преступников, но менее чем у 1 % преступников-джихадистов. Проиллюстрируем эту комбинацию на примере правой группы сторонников выживания *River Otter Preppers*. Несколько членов этой группы первоначально обвинялись в заговоре с целью убийства федеральных чиновников, но вместо этого были осуждены по обвинению в хранении оружия или взрывчатых веществ. Еще более яркий пример: антимусульманский экстремист William Tore Tint первоначально обвинялся в заговоре с целью убийства мусульман (преступление 5-го уровня), но был осужден только за ложные показания федеральным служащим (преступление 1-го уровня). 85 % обвиняемых в антиправительственных акциях, приговоры которых были снижены на 3 и более степени тяжести, признали себя виновными.

Указанное снижение может оказывать существенное влияние на характер вынесения приговоров. Удивительно, что среди обвиняемых в антиправительственных действиях, первоначально обвинявшихся в совершении преступления 5-го уровня (обычно в террористическом заговоре), средний срок по приговору составлял 11 лет тюремного заключения, в то время как для преступников-джихадистов, первоначально обвинявшихся в совершении преступления того же уровня, средний срок заключения составлял 25,5 года (табл. 6). Таким образом, приговоры преступникам-джихадистам были более чем в два раза длиннее, чем правым антиправительственным преступникам в той же категории преступлений. Предположительно, это происходит потому, что прокуратура предлагает сторонникам правых сил более выгодные сделки с признанием вины. Сторонники превосходства белой расы и «другие левые» обвиняемые, которые, как первоначально утверждалось, совер-

шили преступление 5-го уровня, также в конечном итоге получили значительно меньшие сроки наказания, чем джихадисты с тем же уровнем тяжести по первоначальному обвинению²⁰.

Основываясь на первоначальных критериях Cohen (1988), средняя продолжительность приговора подсудимых-джихадистов показывает «большую» разницу по сравнению как с обвиняемыми в антиправительственных действиях, так и с «другими левыми» обвиняемыми, и «среднюю» разницу по сравнению со сторонниками превосходства белой расы (хотя этот последний показатель также считается «большим» согласно более позднему стандарту; Gignac & Szodorai, 2016). В любом случае разница в более чем десять лет заключения (25,5 для джихадистов и 14,7 для сторонников превосходства белой расы), безусловно, существенна с практической точки зрения. Обвиняемые из категорий «чернокожие», «выходцы из стран Ближнего Востока/Южной Азии» и «представители смешанной расы» также приговаривались к более длительным срокам заключения, чем белые, при одном и том же 5-м уровне тяжести по первоначальному обвинению.

Таблица 6

Средний срок наказания в зависимости от характеристик подсудимых и начального уровня тяжести преступления (n = 235)

Table 6. Mean Sentence by Defendant Attributes for Defendants in Initial Severity Level (n = 235)

Категория / Category	Средний срок наказания / Mean Sentence	Значение t / t-statistic	Значение p / p-value	Коэффициент Коэна d* / Cohen's d*
Тип терроризма / Type				
Колумбийцы / Colombian	20,8	-0,9	0,38	-0,30
Другие левые / Other Left-Wing	8,5	-6,6	<0,01	-1,10
Антиправительственный / Anti-Government	11,0	-6,4	<0,01	-0,96
Превосходство белой расы / White supremacist	14,7	-4,1	<0,01	-0,71
Другие правые / Other Right-Wing	21,0	-0,8	0,47	-0,28
Джихадисты (точка отсчета) / Jihadi (Ref.)	25,5			
Раса / Race				
Чернокожие / Black	22,8	3,4	<0,01	0,57
Выходцы из Ближнего Востока или Южной Азии / Mid-East/S. Asian	25,9	4,3	<0,01	0,74
Латиноамериканцы / Hispanic	25,5	2,3	0,05	0,75
Смешанное происхождение / Mixed	42,0	5,1	<0,01	1,92
Белые (точка отсчета) / White (Ref.)	14,7			
Гражданство / Citizenship				
Законный резидент / Legal Resident	25,3	2,2	0,04	0,70
Натурализованный гражданин США / Naturalized	26,1	2,9	0,01	0,76
Незаконный иммигрант / Undocumented	27,0	2,4	0,03	0,83
Иностранец / Foreign National	31,7	4,4	<0,01	1,13
Гражданин США по рождению (точка отсчета) / Native-born (Ref.)	15,8			

Примечание: Сепаратисты, защитники окружающей среды и прав животных исключены из списка из-за отсутствия более чем одного наблюдения.

Note: Separatists, environmentalists and animal rights defendants are excluded due to lack of > 1 observations.

²⁰ Как и следовало ожидать, основываясь на этих результатах, если модель учитывает тяжесть первоначального, а не итогового обвинения, то антиправительственная идеология перестает быть фактором более длительных сроков заключения, чем джихадизм.

Учитывая все уровни тяжести преступлений, обвиняемые в антиправительственных действиях получили более высокое снижение приговора по сравнению с джихадистами как в судах штатов, так и в федеральных судах, но разница в снижении была больше в федеральных судах ($t = 5,7, p < 0,001$), чем в судах штатов ($t = 2,3, p = 0,03$). Среднее общее снижение было выше в федеральных судах (0,5) по сравнению с судами штатов (0,2), что является статистически значимым результатом ($t = -3,1, p < 0,01$). Это верно как для обвиняемых в антиправительственных действиях, так и для обвиняемых в джихаде, что подтвердилось при отдельной проверке.

В целом гипотеза 6 была подтверждена частично, поскольку, как показано в табл. 5, принадлежность к антиправительственной идеологии приводит к более значительному снижению приговора, а статус меньшинства (для трех групп меньшинств) – к менее значительному. Однако, вопреки гипотезе 6, несколько обвиняемых, не относящихся к джихадистам, получили меньшее снижение, чем джихадисты. Краткое изложение наших выводов, касающихся наших шести гипотез, представлено в табл. 7.

Таблица 7

Обобщение результатов рассмотрения гипотез
Table 7. Summary of Evidence for Hypotheses

Гипотезы / Hypotheses	Результаты / Results
Гипотеза 1: Длительность заключения по приговору зависит от тяжести преступления / H1: Crime severity will predict sentence length	Подтверждена. По результатам всех анализов длительность заключения по приговору существенно зависит от тяжести преступления / Supported. Higher severity strongly predicted longer sentence length in all analyses
Гипотеза 2: Длительность заключения по приговору зависит от признания вины / H2: Decision whether to plead guilty will predict sentence length	Подтверждена. По результатам всех анализов длительность заключения по приговору существенно зависит от факта признания вины или выхода в суд / Supported. The decision to go to trial rather than plead guilty strongly predicted sentence length in all analyses
Гипотеза 3: Длительность заключения по приговору зависит от принадлежности к расовому/этническому меньшинству и от гражданского статуса обвиняемого / H3: Racial/ethnic minority and citizenship status will predict sentence length	Подтверждена частично. Некоторые расовые/этнические меньшинства и гражданские группы получали более длительные сроки заключения (с учетом тяжести преступления и других факторов) / Somewhat supported. Some minority racial/ethnic and citizenship groups received longer sentences (net of severity and other controls)
Гипотеза 4: Длительность заключения по приговору зависит от наличия идеологии джихада в составе преступления / H4: Jihadi ideology will predict sentence length	Подтверждена частично. Джихадисты получали более длительные сроки заключения, чем некоторые другие категории лиц, но террористы правого толка получали более длительные сроки заключения, чем джихадисты, за преступления некоторых степеней тяжести / Somewhat supported. Jihadis received longer sentences than some non-jihadi categories, but right-wing terrorists received longer sentences than jihadis in some severity levels
Гипотеза 5: Указанные различия более выражены в случае менее тяжких преступлений (гипотеза освобождения) / H5: Disparities will be more pronounced in lower crime severity levels (liberation hypothesis)	В основном не подтверждена. Связь между уровнем тяжести преступления и проявлениями неравенства оказалась нелинейной. Неравенство в основном отсутствовало на самом высоком уровне, преобладало на втором по значимости, а также присутствовало на некоторых более низких уровнях тяжести преступлений / Mainly unsupported. The association between crime severity level and disparities was non-linear. Disparities were largely absent in the highest level, prevalent in the second-highest, and also present in some lower severity level
Гипотеза 6: Отсутствие идеологии джихада, белая раса и американское гражданство являются факторами смягчения приговора (снижение степени тяжести преступления по приговору по сравнению с первоначальным обвинением) / H6: Non-jihadi motivation, White race, and native-born citizenship will predict larger severity discounts	Подтверждена частично. Антиправительственные террористы получали более значительное, а некоторые расовые/этнические меньшинства – менее значительное смягчение приговора, однако некоторые группы неджихадистов получали менее значительное смягчение приговора, чем джихадисты. Гражданство не оказывало влияния на снижение сроков приговора / Somewhat supported. Anti-government ideology predicts larger discounts, and some racial/ethnic minorities had lower discounts, but some non-jihadi groups received lower discounts than jihadis. Citizenship was not predictive of discount

Дополнительный анализ

Более ранние исследования показали, что в делах, связанных с ИГИЛ²¹, могут выноситься более суровые или более мягкие приговоры²². Мы добавили такие дела к многомерной линейной регрессии и обнаружили, что по делам ИГИЛ²³ были вынесены более длительные приговоры по сравнению с другими делами джиха-

²¹ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

²² Greenberg, K. J. (Ed.). (2016). Case by case: ISIS prosecutions in the United States, March 1, 2014 – June 30, 2016. Center on National Security at Fordham Law. <https://static1.squarespace.com/static/5b16a000e17ba39f6f3825ba/t/5d55bbda5e0ed8000152e7cb/1565899739918/CNScasebycaseISISjuly2016.pdf>; Greenberg, K. J. (2017). The American exception: Terrorism prosecutions in the United States: The ISIS cases, March 2014 – August 2017. Center on National Security at Fordham Law. <https://news.law.fordham.edu/wp-content/uploads/2017/09/TheAmericanException9-17.pdf> (ISIS – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации).

²³ ИГИЛ – организация, признанная террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

дистов ($b = 4,2$, $SE = 1,6$, $p < 0,01$). Этот результат не удивителен, учитывая всеобщую обеспокоенность по поводу жестокости преступлений, характерной для ИГИЛ²⁴. Однако добавив фиктивную переменную для обвиняемых, которые участвовали или пытались участвовать в иностранной террористической группировке, мы обнаружили, что эти обвиняемые получили более низкие сроки по приговору ($b = -3,8$, $SE = 1,3$, $p < 0,01$). Дальнейший анализ показал, что обвиняемые-джихадисты, пытавшиеся присоединиться к ИГИЛ²⁵ (подгруппа всех дел, связанных с ИГИЛ²⁶), получили в среднем значительно меньшие сроки, чем обвиняемые-джихадисты, пытавшиеся присоединиться к террористическим группировкам, не связанным с ИГИЛ²⁷ (10,5 против 15,2 соответственно; $t = 2,5$, $p = 0,01$). Учитывая большое количество молодых людей, которые (возможно, под влиянием короткого импульса) решили присоединиться к ИГИЛ²⁸ на пике успеха группировки, некоторые судьи, возможно, были относительно снисходительны к этим обвиняемым.

Вероятно, операции по выявлению преступников необходимы для предотвращения террористических атак, однако можно спорить, многие ли из обвиняемых, осужденных в ходе таких операций, совершили бы преступления, если бы их не поощряли к этому информаторы (Field, 2019). Что касается влияния фактора причастности информаторов на вынесение приговора, то вполне возможно, что приговор смягчается, если судья усомнится в самостоятельности подсудимых или их мотивации к совершению атак. Действительно, в некоторых задокументированных случаях (Norris, 2020a) на продолжительность срока наказания или частичный оправдательный приговор влияло мнение суда о провокации к совершению преступления. С другой стороны, если обвиняемые соглашались совершить особо масштабные атаки в рамках таких операций, то это может привести и к более суровым приговорам (Norris, 2019). Gruenewald и соавт. (2019) обнаружили ряд различий между ходом спецоперации по выявлению преступников и успешными террористическими атаками. В частности, в первом случае чаще используются взрывчатые вещества, а не огнестрельное оружие, а также у преступников отсутствует опыт участия в террористической деятельности. Такие различия потенциально могут повлиять на вынесение приговора. Klein и соавт. (2019) обнаружили, что стратегии полицейских расследований (часто с привлечением информаторов) в группах джихадистов и ультраправых были во многом схожими. При этом существуют и некоторые отличия, например, более высокий уровень информирования общественности о расследованиях в сфере терроризма правого толка. Если спецоперации по выявлению преступников будут инициироваться и осуществляться по-разному для разных групп обвиняемых в терроризме, это также может повлиять на особенности вынесения приговоров.

Чтобы исследовать возможную связь между указанными операциями и особенностями приговоров, мы проанализировали влияние наличия информаторов на сроки приговоров. Интересно, что, хотя некоторые секретные операции приводят к длительным срокам заключения, средние сроки по делам с участием информатора были ниже, чем по делам без такового участия. По результатам множественной линейной регрессии (анализ не включен в данную статью) с учетом тяжести преступления и участия в судебном разбирательстве, наличие информатора значительно снижало срок приговора ($b = -2,1$, $SE = 0,67$, $p = 0,002$). Это может быть связано со снисходительностью к обвиняемым, когда речь шла о провокации (Norris, 2020a), или, что более вероятно, с тем, что в таких делах часто фигурируют несколько обвиняемых, некоторые из которых играли меньшую роль в преступлении и, следовательно, получили меньшие сроки наказания. Интересно, что когда в анализ регрессии была включена связь между наличием информатора и идеологией, то единственная значимая зависимость была обнаружена между антиправительственной идеологией и наличием информатора. Это указывает на то, что судьи более снисходительны к обвиняемым в антиправительственных действиях, осужденным в рамках спецопераций, по сравнению с другими обвиняемыми в терроризме, арестованными в ходе тех же операций. Хотя наличие информаторов также предсказывает более низкие сроки наказания среди обвиняемых-джихадистов (что было подтверждено путем исключения дел, не связанных с джихадом, в рамках альтернативного анализа), эффект гораздо сильнее для обвиняемых по антиправительственным делам.

²⁴ То же.

²⁵ То же.

²⁶ То же.

²⁷ То же.

²⁸ То же.

Могут возникнуть сомнения в целесообразности включения дел о государственном терроризме в нашу базу данных из-за различий нормативно-правовой базы в отдельных штатах. Мы считаем, что учет параметров «рассмотрение федеральным судом» и «рассмотрение судом штата» адекватен для проверки различий в вынесении приговоров (хотя и не без ограничений, как будет показано ниже). Тем не менее мы провели дополнительный анализ (не показан в работе), исключив дела, рассмотренные на уровне штатов, чтобы выяснить, повлияет ли это на общие результаты. Интересно, что при использовании полной модели, приведенной в табл. 2, кроме дел, рассмотренных на уровне штатов, все основные результаты остаются теми же, за исключением того, что значительное увеличение сроков наказания наблюдалось только для сторонников превосходства белой расы, но не для террористов антиправительственной или «другой правой» идеологии.

Чтобы оценить недавнее утверждение, что количество приговоров за терроризм в последние годы сократилось²⁹, мы включили в линейную регрессию параметр года вынесения приговора. Результаты оказались значимыми: более поздние годы предсказывали более длительный срок заключения, но этот эффект полностью исчез после учета тяжести преступления. Однако когда были проведены отдельные регрессионные расчеты для каждого уровня тяжести с учетом параметра «признание вины», то в более поздние годы было зафиксировано статистически значимое увеличение сроков приговоров на уровне тяжести 4, который в основном включает преступления по материальной поддержке терроризма. В 2015 г. максимальный срок наказания по этому обвинению в соответствии с федеральным законом был увеличен с 15 до 20 лет, поэтому вполне понятно, что средний срок наказания значительно увеличился. Байесовский структурный анализ временных рядов показал статистически значимое увеличение числа приговоров уровня тяжести 4 начиная с 2015 г. (относительный эффект = 48 %, $p = 0,002$), что подтверждает данное объяснение.

Ограничения исследования

Поскольку в данной работе анализируются только террористы, приговоренные судами штатов или федеральными судами, оно не охватывает все способы борьбы властей США с терроризмом, такие как заключение в Гуантанамо, целенаправленная ликвидация с помощью беспилотных летательных аппаратов и военные действия. Такие методы используются почти исключительно против террористов-джихадистов. Таким образом, в результате учета параметров расы и идеологии в нашем анализе может возникнуть ложное впечатление, что идеология джихадизма и связь с Ближним Востоком/Южной Азией не приводят к более жесткой реакции со стороны правительства США. Если рассматривать ситуацию в самом широком контексте борьбы с терроризмом, то это определенно не так. Мы провели анализ чувствительности, включая эффекты взаимодействия (не показан в статье). Было обнаружено, что обвиняемые в джихаде, которые являются натурализованными гражданами или иностранными подданными, получают более длительные сроки заключения, чем обвиняемые, родившиеся в США, с учетом таких важных переменных, как тяжесть преступления. Таким образом, обвиняемые в джихаде иностранцы с большей вероятностью будут приговорены к более длительным срокам и столкнутся с насильственными формами борьбы с терроризмом.

Еще одним ограничением исследования является то, что из-за отсутствия централизованной информации о вынесении приговоров за терроризм и того факта, что такие приговоры выносятся как федеральными судами, так и судами штатов, потребовалась многогранная стратегия для выявления соответствующих дел, особенно терроризма левого и правого толка. Таким образом, возможно, что некоторые дела не вошли в наш анализ. Кроме того, в некоторых штатах доля срока, которая должна отбываться до освобождения, существенно отличается по сравнению с федеральной системой. В нашем исследовании мы не могли учесть продолжительность приговоров по штатам, но в будущих исследованиях при сравнении приговоров федеральных судов и судов штатов это по возможности нужно сделать.

Из-за нехватки ресурсов в базу данных не были включены приговоры, вынесенные после 2018 г.; кроме того, все данные кодировались одним специалистом – первым автором. Будущие исследования должны включать более свежие данные; кодирование должно осуществляться несколькими сотрудниками для обе-

²⁹ Farivar, M. (2017, July 1). Homegrown US terrorists have received lighter sentences in recent years. VOA News. <https://www.voanews.com/a/homegrown-us-terrorists-lighter-sentences-recent-years/3924813.html>

спечения взаимных проверок. За преступления, связанные с событиями 6 января [2021 г. – захват здания Капитолия в Вашингтоне сторонниками Дональда Трампа. – Прим. переводчика], было осуждено так много обвиняемых (на данный момент по меньшей мере 900 человек)³⁰, что можно провести отдельное исследование о том, как суды относились к этим обвиняемым по сравнению с другими. Предполагаем, что многие из этих преступлений квалифицируются как терроризм и могут рассматриваться при изучении неравенства в сфере борьбы с терроризмом.

Дальнейшие исследования могли бы также сфокусироваться на конкретных видах преступлений террористической направленности, таких как вступление в террористическую группу за рубежом. При этом необходимо выявить наличие неравенства, а также оценить, влияют ли на вынесение приговора такие факторы, как конкретные террористические группы, к которым присоединились обвиняемые; их предполагаемая роль в этих группах; психическое здоровье и другие уязвимости обвиняемых; а в случаях, связанных со спецоперациями по выявлению преступников, – вероятность того, что обвиняемые присоединились бы к террористическим группам самостоятельно, без содействия тайных агентов.

Обсуждение

В данной работе изучены аспекты неравенства в вынесении приговоров по признаку расы/этнической принадлежности, гражданства и идеологической направленности в ходе судебных преследований за терроризм в США в период с 2001 по 2018 г. После учета таких параметров, как «тяжесть преступления», «рассмотрение дела федеральным судом или судом штата», «признание вины или судебный процесс», мы обнаружили, что обвиняемые-джихадисты получали более длительные сроки заключения, чем некоторые категории террористов, не относящиеся к джихаду (колумбийцы и сепаратисты). В то же время террористы правого толка (особенно сторонники превосходства белой расы) получали более длительные сроки заключения. Обвиняемые из числа чернокожих и выходцев из стран Ближнего Востока/Южной Азии приговаривались к более длительным срокам заключения по некоторым категориям тяжести преступлений, а незаконные иммигранты и иностранные граждане – к более длительным срокам заключения, чем преступники, родившиеся в США. Женщины получали более длительные сроки заключения по одной категории тяжести и более короткие – по другой. Тот факт, что наши результаты по расовым и гендерным различиям были несколько неоднозначными, поскольку некоторые различия были выявлены только для определенных уровней тяжести, согласуется с предыдущими исследованиями, которые также не всегда выявляли прямую зависимость срока по приговору от параметров расы и пола (Corradi, 2023; Wrigley & Schumacher, 2023).

Новизна нашего исследования заключается в выводах о том, что сторонники превосходства белой расы получали более длительные сроки заключения, чем обвиняемые в джихаде, а для обвиняемых в антиправительственных действиях снижение строгости наказания было гораздо более значительным, чем для обвиняемых в джихадизме. Эти результаты иллюстрируют преимущество включения всех видов терроризма в исследование неравенства, а также преимущество разделения более широких категорий (например, «правый терроризм») на подкатегории. Кроме того, неожиданным оказался вывод о том, что обвиняемые в джихадизме получают не более длительные сроки заключения, чем обвиняемые левого крыла (с учетом степени тяжести правонарушения). Этот результат не соответствовал ожиданиям потому, что идеология джихада подвергается большей стигматизации, чем мотивы защиты окружающей среды или прав животных, т. е. мотивы большинства обвиняемых, придерживающихся левых взглядов. Это говорит о том, что путем выработки общих руководящих принципов назначения сроков наказания можно ограничить произвол судебных органов и избежать неравенства, по крайней мере, между некоторыми идеологическими категориями.

Неравенство на основании расы, гражданского статуса или идеологии потенциально согласуется с теми теориями неравенства, которые говорят о когнитивных предубеждениях против непопулярных внешних групп. Предположительно, более длительные сроки заключения для сторонников превосходства белой расы могут быть обусловлены более высокой оценкой их опасности или виновности, относительной суровостью

³⁰ Richer, D. R., & Kunzelman, M. (2024, Jan. 5). Hundreds of convictions, but a major mystery is still unsolved 3 years after the Jan. 6 Capitol riot. Associated Press. <https://apnews.com/article/capitol-riot-ian-6-criminal-cases-anniversary-bf436efe760751b1356f937e55bedaa5>

судей в регионах с большим количеством сторонников превосходства белой расы и/или более серьезными правонарушениями этой группы в рамках каждой категории тяжести преступлений. Однако наши данные не позволяют сделать однозначный вывод относительно этих возможных причин.

По иронии, тот факт, что сторонники превосходства белой расы получают более длительные сроки заключения, говорит о том, что попытка этой группы сохранить или расширить привилегии белых с помощью насильственного экстремизма (Isom, 2023) на практике оборачивается отрицанием их собственных привилегий в системе правосудия, что приводит к более суровым, чем ожидалось, срокам тюремного заключения даже по сравнению с террористами-джихадистами. Это служит иллюстрацией бесполезности или контрпродуктивности большинства современных форм терроризма. В качестве метода дерадикализации крайне правых экстремистов было предложено подчеркивать этот вывод (Norris, 2024). В то же время к антиправительственным экстремистам, которые могут подпитываться расистскими идеями, даже если их идеология не ориентирована на расовые аспекты (Vuman, 2023), относятся более снисходительно, возможно, потому, что они не выражают свои взгляды в явно расистских терминах и, таким образом, считаются менее опасными.

По сравнению с обвиняемыми в джихадизме, антиправительственные террористы получали гораздо большее снижение тяжести преступления, за которое они фактически были осуждены, и первоначальным обвинением. Эта разница оказывала существенное влияние на сроки приговора. Например, благодаря этому значительному снижению джихадисты, первоначально обвинявшиеся в совершении преступления 5-го уровня (например, в заговоре с целью убийства), в конечном итоге получали в среднем вдвое больший срок заключения, чем обвиняемые в антиправительственных действиях, первоначально обвинявшиеся в совершении преступления того же уровня. Чернокожие, испаноязычные и представители смешанной расы также получали значительно меньшее снижение, чем белые.

Существует несколько возможных объяснений разницы в степени снижения тяжести обвинений между обвиняемыми в джихадизме и в антиправительственных действиях. Во-первых, эти результаты можно объяснить эффектом снисходительности внутри группы (более благоприятное отношение к белым мужчинам, обвиняемым в антиправительственных акциях) или эффектом жесткости к внешней группе (менее благоприятное отношение к джихадистам) (Piazza, 2015). Большой эффект снисхождения к обвиняемым в антиправительственных акциях предсказывает не только теория неравенства на основе когнитивных предубеждений, но и правовая теория Блэка (Black, 2010), которая предполагает менее суровое обращение с лицами, имеющими более высокий статус или большее культурное сходство с лицами, принимающими решения. Большинство обвиняемых в антиправительственных акциях – белые мужчины-христиане, как и большинство прокуроров и судей (Goodwin & Lindsay, 2018; Shashahani & Liu, 2017)³¹. Более того, хотя антиправительственные экстремистские идеологии характеризуются различными теориями заговора, у них есть некоторые общие черты с господствующим консерватизмом, такие как неприязнь к налогам и регулированию и горячая поддержка прав, закрепленных Второй поправкой.

Во-вторых, также возможно, что во время многих антиправительственных акций власти изначально полагали, что имел место заговор с целью совершения теракта, и объявляли об этом после арестов, но позже приходили к выводу, что это были «просто лозунги», которые не переросли в заговор. Часто такой необоснованный «хайп» после ареста обвиняемых является результатом показаний ненадежных информаторов, которые преувеличивали масштабы заговора или иным образом вводили в заблуждение сотрудников правоохранительных органов (Norris, 2019). Однако этот фактор может также объяснить снижение строгости наказания для джихадистов, и, в принципе, нет причин, по которым он должен быть более распространен в делах, связанных с правами. В-третьих, частично объяснить разницу в таком снижении можно тем, что нелегальной признана материальная поддержка джихадистов, но не антиправительственных преступников. Как отмечалось выше, обвинения в материальной поддержке часто выдвигаются подсудимым-джихадистам в рамках сделок о признании вины, тогда как первоначально они обвинялись в более серьезных преступлениях.

³¹ Reflective Democracy Campaign. (2019). Tipping the scales: Challengers take on the old boys' club of elected prosecutors. <https://wholeads.us/wp-content/uploads/2019/10/Tipping-the-Scales-Prosecutor-Report-10-22.pdf>

Наконец, есть вероятность, что после событий 11 сентября приоритетное внимание уделялось судебному преследованию джихадистов, что привело к активизации усилий ФБР и прокуратуры по вынесению обвинительных приговоров за преступления высокой степени тяжести. На расследования дел о джихадистах затрачиваются дополнительное время и усилия, что не способствует снижению тяжести приговора, ноощряет судебные преследования за серьезные преступления. Это согласуется со структурно-контекстуальной теорией, которая утверждает, что в случае совершения определенных особо важных преступлений различные подразделения системы уголовного правосудия значительно координируют свои усилия по вынесению обвинительных приговоров (Murray, 2016; Norris, 2019; Smith & Damphousse, 1998). Если дело имеет более высокий приоритет, эти же факторы будут способствовать вынесению более строгих обвинительных приговоров высокого уровня, без снижения относительно фактического основного преступления.

Несомненно, существуют законные основания заключать сделки о признании вины, предъявляя обвинения значительно менее серьезные, чем первоначальные. Прокурорам необходимо учитывать множество факторов, таких как ресурсы, вероятность вынесения обвинительного приговора, а также наличие свидетелей и других источников доказательств. Хотя большое снижение уровня тяжести преступления может свидетельствовать о предвзятости, наши данные не позволяют нам достоверно определить, так ли это, поскольку факторы, влияющие на принятие прокурорских решений, в значительной степени скрыты от общественности. Качественное изучение конкретных дел, в том числе, возможно, опрос прокуроров и других лиц, может пролить свет на то, объясняется ли такое снижение для антиправительственных преступников законными факторами или предвзятостью.

Ряд специалистов призывают принять новый федеральный уголовный закон, позволяющий обвинять в терроризме всех, чьи действия соответствуют федеральному определению терроризма (Norris, 2017)³². Идея, стоящая за такими предложениями, отчасти заключается в том, чтобы обвинять всех праворадикальных террористов в терроризме на федеральном уровне, что позволило бы выносить соответствующие приговоры наравне с аналогичными преступниками-джихадистами (Sinnar, 2019). Однако наше исследование показывает, что юрисдикция (суд штата или федеральный суд) не влияет на общую продолжительность приговора. Это говорит о том, что правых террористов можно эффективно преследовать на уровне штатов и что новый федеральный Закон о борьбе с терроризмом, вероятно, имеет главным образом символическую цель – сделать правый терроризм «моральным эквивалентом» джихадизма³³. С другой стороны, поскольку 72 % обвиняемых в антиправительственных акциях были привлечены к ответственности на федеральном уровне, новый закон может быть важен для устранения различий между джихадистами и антиправительственными организациями в степени тяжести преступлений и, следовательно, в вынесении приговоров. Во многих штатах уже имеют те или иные законодательные акты о борьбе с терроризмом в широком понимании, которые еще только рассматриваются на федеральном уровне; однако неясно, как часто штаты реально используют эти законы (Norris, 2020b).

Разница в результатах между антиправительственными террористами и сторонниками превосходства белой расы как по срокам приговоров, так и по степени тяжести предполагает, что для дальнейших исследований, возможно, будет целесообразно разделить категорию «правого терроризма» на различные подкатегории. Несмотря на некоторое совпадение между этими группами на практике, их идеологии весьма различны и во многих контекстах должны анализироваться отдельно³⁴.

³² McCord, M. B., & Blazakis, J. M. (2019, Feb. 27). A road map for Congress to address domestic terrorism. Lawfare. <https://www.lawfaremedia.org/article/road-map- congress-address-domestic-terrorism>

³³ McCord, M. B. (2017, Aug. 21). Criminal law should treat domestic terrorism as the moral equivalent of international terrorism. Lawfare. <https://www.lawfaremedia.org/article/criminal-law-should-treat-domestic-terrorism-moral-equivalent-international-terrorism>

³⁴ Такое терминологическое разделение полезно и в политических целях. Общий термин «правый терроризм», как правило, отталкивает обычных консерваторов, которые опасаются, что их ассоциируют с терроризмом. Действительно, доклад Отдела внутренней безопасности за 2009 г. о «правом экстремизме» вызвал бурю протестов со стороны правых политиков и представителей СМИ, что заставило Генерального прокурора принести извинения и официально отозвать доклад (D. Johnson, 2012). Напротив, аналогичный отчет за 2019 г., в котором анализируются те же угрозы с использованием терминов «антиправительственный» и «сторонник превосходства белой расы» без термина «правый», не вызвал существенной критики (см. Kanno-Youngs, Z. (2019, Oct. 1). Homeland security dept. affirms threat of White supremacy after years of prodding. New York Times. <https://www.nytimes.com/2019/10/01/us/politics/white-supremacy-homeland-security.html>).

Будущие исследования, как качественные, так и количественные, посвященные моделям вынесения приговоров за терроризм, должны быть направлены на оценку различных объяснений наблюдаемого неравенства. В качественных исследованиях этой сферы, а также при изучении отдельных дел о терроризме, которые рассматриваются как чрезмерно суровые или мягкие, могут использоваться различные источники – от судебных решений (см. McGarrity, 2013) до опросов прокуроров. Это поможет определить, какие теоретические объяснения наиболее применимы. Из-за недостатка данных мы не смогли учесть фактор психического здоровья обвиняемых, однако в будущих исследованиях было бы полезно использовать результаты исследования Corradi (2023) для оценки влияния этого фактора на вынесение приговоров всем обвиняемым в терроризме. Более того, в ходе качественных и количественных исследований можно было бы изучить альтернативные объяснения различий в степени снижения тяжести приговоров для различных видов терроризма. В идеале такие исследования могли бы привести к выработке конкретных рекомендаций о том, как уменьшить или устранить необоснованное неравенство в сроках наказаний.

Список литературы / References

- Ahmed, S. (2016). Is history repeating itself: Sentencing young American Muslims in the war on terror. *Yale Law Journal*, 126, 1520–1576. <https://www.yalelawjournal.org/pdf/h.1520.Ahm.ed.1576.rfyg9e76.pdf>
- Amirault, J., & Bouchard, M. (2015). A group-based recidivist sentencing premium? The role of context and cohort effects in the sentencing of terrorist offenders. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 43(4), 512–534. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2014.12.002>
- Amirault, J., & Bouchard, M. (2017). Timing is everything: The role of contextual and terrorism specific factors in the sentencing outcomes of terrorist offenders. *European Journal of Criminology*, 14(3), 269–289. <https://doi.org/10.1177/1477370815578194>
- Amirault, J., Bouchard, M., Farrell, G., & Andresen, M. A. (2016). Criminalizing terrorism in Canada: Investigating the sentencing outcomes of terrorist offenders from 1963 to 2010. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 106, 769–810. <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/iclc/vol106/iss4/4/>
- Beckett, K., Nyrop, K., & Pfingst, L. (2006). Race, drugs, and policing: Understanding disparities in drug delivery arrests. *Criminology*, 44(1), 105137. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.2006.00044.x>
- Bielen, S., Grajzl, P., & Marneffe, W. (2021). Blame based on one's name? Extralegal disparities in criminal conviction and sentencing. *European Journal of Law and Economics*, 51(3), 469–521. <https://doi.org/10.1007/s10657-020-09670-6>
- Black, D. (2010). *The behavior of law*. Emerald.
- Bradley-Engen, M. S., Damphousse, K. R., & Smith, B. L. (2009). Punishing terrorists: A reexamination of US federal sentencing in the postguidelines era. *International Criminal Justice Review*, 19(4), 433–455. <https://doi.org/10.1177/1057567709348357>
- Byman, D. (2023). Is there a wave of right-wing terrorism? A review article. *Political Science Quarterly*, 138(2), 251–270. <https://doi.org/10.1093/psquar/qqad007>
- Carlsmith, K. M., Monahan, J., & Evans, A. (2007). The function of punishment in the “civil” commitment of sexually violent predators. *Behavioral Sciences & the Law*, 25(4), 437–448. <https://doi.org/10.1002/bsl.761>
- Carmichael, J. T. (2010). Sentencing disparities for juvenile offenders sentenced to adult prisons: An individual and contextual analysis. *Journal of Criminal Justice*, 38(4), 747–757. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2010.05.001>
- Chermak, S. M., Freilich, J. D., Parkin, W. S., & Lynch, J. P. (2012). American terrorism and extremist crime data sources and selectivity bias: An investigation focusing on homicide events committed by far-right extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 28(1), 191–218. <https://doi.org/10.1007/s10940-011-9156-4>
- Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). Erlbaum.
- Corradi, A. (2023). Disparities in extreme contexts: The impact of gender and mental health status on the criminal justice outcomes of extremists. *Journal of Criminal Justice*, 88, 102104. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2023.102104>
- Donohue, J. J. (2014). An empirical evaluation of the Connecticut death penalty system since 1973: Are there unlawful racial, gender, and geographic disparities? *Journal of Empirical Legal Studies*, 11(4), 637–696. <https://doi.org/10.1111/iels.12052>
- Dunlap, W. P., Chen, R., & Greer, T. (1994). Skew reduces test-retest reliability. *Journal of Applied Psychology*, 79(2), 310–313. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0021-9010.79.2.310>
- Factor, R., & Gur-Arye, M. (2020). Social solidarity and sentencing disparities between ethnic groups: the case of hit-and-run traffic offenses. *Journal of Empirical Legal Studies*, 17(1), 164–185. <https://doi.org/10.1111/iels.12245>
- Field, A. (2019). Ethics and entrapment: understanding counterterrorism stings. *Terrorism and Political Violence*, 31(2), 260–276. <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1213721>
- Fox, J., & Monette, G. (1992). Generalized collinearity diagnostics. *Journal of the American Statistical Association*, 87(417), 178–183. <https://doi.org/10.1080/01621459.1992.10475190>

- Gignac, G. E., & Szodorai, E. T. (2016). Effect size guidelines for individual differences researchers. *Personality and Individual Differences*, 102, 74–78. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.069>
- Goodwin, M., & Lindsay, M. (2018). American courts and the sex blind spot: Legitimacy and representation. *Fordham Law Review*, 87, 2337–2384. <https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2019/04/03Goodwin-2337-2384.pdf>
- Gruenewald, J., Klein, B. R., Freilich, J. D., & Chermak, S. (2019). American jihadi terrorism: A comparison of homicides and unsuccessful plots. *Terrorism and Political Violence*, 31(3), 516–535. <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1253563>
- Gruenewald, J., Klein, B. R., Hayes, B. E., Parkin, W. S., & June, T. (2024). Examining disparities in case dispositions and sentencing outcomes for domestic violent extremists in the United States. *Crime & Delinquency*, 70(1), 126–156. <https://doi.org/10.1177/00111287221109769>
- Hair, J. F., Black, W. C., Babin, B. J., & Anderson, R. E. (2010). *Multivariate data analysis: A global perspective*. Prentice Hall.
- Hester, R., & Hartman, T. K. (2017). Conditional race disparities in criminal sentencing: A test of the liberation hypothesis from a non-guidelines state. *Journal of Quantitative Criminology*, 33(1), 77–100. <https://doi.org/10.1007/s10940-016-9283-z>
- Hill, J., Oliver, W. M., & Marion, N. (2010). “Shaping history” or “riding the wave”? President Bush’s influence on the public opinion of terrorism, homeland security, & crime. *Journal of Criminal Justice*, 38(5), 896–902. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2010.06.005>
- Hirsch-Hoefler, S., & Mudde, C. (2014). “Ecoterrorism”: Terrorist threat or political ploy? *Studies in Conflict & Terrorism*, 37(7), 586–603. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.913121>
- Ives, A. R., Zhu, L., Wang, F., Zhu, J., Morrow, C. J., & Radeloff, V. C. (2021). Statistical inference for trends in spatiotemporal data. *Remote Sensing of Environment*, 266, 112678. <https://doi.org/10.1016/i.rse.2021.112678>
- Isom, D. A. (2023). *Gratuitous angst in White America: A theory of Whiteness and crime*. Taylor & Francis.
- Jackson, S. M., Ratcliff, K., & Gruenewald, J. (2023). Gender and criminal justice responses to terrorism in the United States. *Crime & Delinquency*, 69(5), 1044–1070. <https://doi.org/10.1177/00111287211047535>
- Johnson, B. D. (2012). Cross-classified multilevel models: An application to the criminal case processing of indicted terrorists. *Journal of Quantitative Criminology*, 28(1), 163–189. <https://doi.org/10.1007/s10940-011-9157-3>
- Johnson, D. (2012). *Right-wing resurgence: How a domestic terrorist threat is being ignored*. Rowman & Littlefield.
- Jordan, K. L., & Maroun, R. (2016). Minority threat and criminal sentencing: Examining juveniles in the adult criminal justice system. *Journal of Crime and Justice*, 39(1), 41–54. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2015.1133397>
- Klein, B. R., Gruenewald, J., Chermak, S. M., & Freilich, J. D. (2019). A mixed method examination of law enforcement investigatory strategies used in jihadi and far-right foiled terrorist plots before and after 9/11. *Journal of Qualitative Criminal Justice and Criminology*, 7(2), 29–58. <https://doi.org/10.21428/88de04a1.5963ad76>
- Kline, R. (2016). *Principles and practice of structural equation modeling*. Guilford.
- Light, M. T. (2014). The new face of legal inequality: Noncitizens and the long-term trends in sentencing disparities across US district courts, 1992–2009. *Law & Society Review*, 48(2), 447–478. <https://doi.org/10.1111/lasr.12073>
- Loadenthal, M. (2017). “Eco-terrorism”: An incident-driven history of attack (1973–2010). *Journal for the Study of Radicalism*, 11(2), 1–34. <https://doi.org/10.14321/istudradi.11.2.0001>
- Logue, M. A. (2009). “The price of being Mexican”: Sentencing disparities between noncitizen Mexican and non-Mexican Latinos in the federal courts. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 31(4), 423–445. <https://doi.org/10.1177/0739986309347447>
- McGarrity, N. (2013). “Let the punishment match the offence.” Determining sentences for Australian terrorists. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2(1), 18–34. <https://search.informit.org/doi/abs/10.3316/INFORMIT.122586336534150>
- Mears, D. P., Craig, M. O., Stewart, E. A., & Warren, P. Y. (2017). Thinking fast, not slow: How cognitive biases may contribute to racial disparities in the use of force in police-citizen encounters. *Journal of Criminal Justice*, 53, 12–24. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2017.09.001>
- Mitchell, O. (2018). The continuing evolution of race and sentencing research and reviews of this research. *Journal of Criminal Justice*, 59, 29–31. <https://doi.org/10.1016/i.icrimius.2017.05.004>
- Mitchell, O., & Caudy, M. S. (2015). Examining racial disparities in drug arrests. *Justice Quarterly*, 32(2), 288–313. <https://doi.org/10.1080/07418825.2012.761721>
- Murray, K. (2016). A comparative analysis of conviction outcomes of American domestic terrorists. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 42(1), 75–88. <https://doi.org/10.1080/01924036.2016.1251952>
- Norris, J. J. (2017). Why Dylann Roof is a terrorist under federal law, and why it matters. *Harvard Journal on Legislation*, 54, 501–541. <https://journals.law.harvard.edu/jol/wp-content/uploads/sites/86/2017/03/54.1-HLL105.pdf>
- Norris, J. J. (2019). Explaining the emergence of entrapment in post-9/11 terrorism investigations. *Critical Criminology*, 27(3), 467–483. <https://doi.org/10.1007/s10612-019-09438-8>
- Norris, J. J. (2020a). How entrapment still matters: Partial successes of entrapment claims in terrorism prosecutions. In A. Sarat (Ed.), *Studies in law, politics, and society* (Vol. 82, pp. 141–166). Emerald Publishing Limited. <https://doi.org/10.1108/S1059-433720200000082007>
- Norris, J. J. (2020b). When (and where) can right-wing terrorists be charged with terrorism? *Critical Studies on Terrorism*, 13(4), 519–544. <https://doi.org/10.1080/17539153.2020.1810991>

- Norris, J. J. (2024). Could the futility of terrorism inspire deradicalization? Narrative strategies arising from case studies of far-right lone-actor terrorism. *Journal for Deradicalization*, 38, 28–80. <https://journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/view/859>
- Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2015). Estimating the prevalence of entrapment in post- 9/11 terrorism cases. *Journal of Criminal Law & Criminology*, 105(3), 609–677. <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=7566&context=jclc>
- Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2019). Racial and other sociodemographic disparities in terrorism sting operations. *Sociology of Race and Ethnicity*, 5(3), 416–431. <https://doi.org/10.1177/2332649218756136>
- Norris, J. J., McFall, J. P., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Decision-making in terrorism sting operations: is entrapment driven by the sunk-cost effect and intergroup biases? *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*, 19(2), 223246. <https://doi.org/10.1080/18335330.2023.2266712>
- Norris, J. J., & Grol-Prokopczyk, H. (2024). Sentencing Disparities in US Terrorism Prosecutions, 2001–2018. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 25(2), 18–40.
- Payne, B., Vuletich, H. A., & Lundberg, K. (2017). The bias of crowds: How implicit bias bridges personal and systemic prejudice. *Psychological Inquiry*, 28(4), 233–248. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2017.1335568>
- Peterka-Benton, D., & Laguardia, F. (2021). The trouble with numbers: Difficult decision making in identifying right-wing terrorism cases. An investigative look at open source social scientific and legal data. *Studies in Conflict & Terrorism*, 47(5), 502–525. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1980981>
- Piazza, J. A. (2015). Terrorist suspect religious identity and public support for harsh interrogation and detention practices. *Political Psychology*, 36(6), 667–690. <https://doi.org/10.1111/pops.12190>
- Pina-Sanchez, J., & Grech, D. C. (2018). Location and sentencing: To what extent do contextual factors explain between court disparities? *The British Journal of Criminology*, 58(3), 529–549. <https://doi.org/10.1093/bic/azx033>
- Price, M., Rubinstein, R. A., & Price, D. (2012). ‘Material support’: US anti-terrorism law threatens human rights and academic freedom. *Anthropology Today*, 28(1), 3–5. <https://doi.org/10.1111/i.1467-8322.2012.00847.x>
- Rehavi, M. M., & Starr, S. B. (2014). Racial disparity in federal criminal sentences. *Journal of Political Economy*, 122(6), 1320–1354. <https://www.doi.org/10.1086/677255>
- Roh, S., & Robinson, M. (2009). A geographic approach to racial profiling: The microanalysis and macroanalysis of racial disparity in traffic stops. *Police Quarterly*, 12(2), 137–169. <https://doi.org/10.1177/1098611109332422>
- Shahshahani, S., & Liu, L. J. (2017). Religion and judging on the federal Courts of Appeals. *Journal of Empirical Legal Studies*, 14(4), 716–744. <https://doi.org/10.1111/iels.12162>
- Sinnar, S. (2019). Separate and unequal: The law of “domestic” and “international” terrorism. *Michigan Law Review*, 117(7), 1333–1404. <https://www.istor.org/stable/45136737>
- Smith, B. L., & Damphousse, K. R. (1996). Punishing political offenders: The effect of political motive on federal sentencing decisions. *Criminology*, 34(3), 289–322. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.1996.tb01209.x>
- Smith, B. L., & Damphousse, K. R. (1998). Terrorism, politics, and punishment: A test of structural- contextual theory and the “liberation hypothesis”. *Criminology*, 36(1), 67–92. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9125.1998.tb01240.x>
- Smith, B. L., Damphousse, K. R., Jackson, F., & Sellers, A. (2002). The prosecution and punishment of international terrorists in federal courts: 1980–1998. *Criminology & Public Policy*, 1(3), 311–338. <https://doi.org/10.1111/i.1745-9133.2002.tb00093.x>
- Spaaij, R., & Hamm, M. S. (2015). Key issues and research agendas in lone wolf terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 38(3), 167–178. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.986979>
- Steffensmeier, D., Painter-Davis, N., & Ulmer, J. (2017). Intersectionality of race, ethnicity, gender, and age on criminal punishment. *Sociological Perspectives*, 60(4), 810–833. <https://doi.org/10.1177/0731121416679371>
- Townsley, M., Birks, D., Ruiter, S., Bernasco, W., & White, G. (2016). Target selection models with preference variation between offenders. *Journal of Quantitative Criminology*, 32(2), 283–304. <https://doi.org/10.1007/s10940-015-9264-7>
- Unnever, J. D., Cullen, F. T., & Barnes, J. C. (2017). Racial discrimination and pathways to delinquency: Testing a theory of African American offending. *Race and Justice*, 7(4), 350–373. <https://doi.org/10.1177/2153368716658768>
- Villadsen, A. R., & Wulff, J. N. (2021). Statistical myths about log-transformed dependent variables and how to better estimate exponential models. *British Journal of Management*, 32(3), 779–796. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12431>
- Wrigley, V. R., & Schumacher, T. (2023). The effects of pretrial detention length on sentencing guideline departures in two Pennsylvania counties. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 24(3), 11–33. <https://ccils.scholasticahq.com/article/90808.pdf>
- Yan, S., & Bushway, S. D. (2018). Plea discounts or trial penalties? Making sense of the trial-plea sentence disparities. *Justice Quarterly*, 35(7), 1226–1249. <https://doi.org/10.1080/07418825.2018.1552715>

Об авторах

Джесси Дж. Норрис, доктор философии, доцент кафедры уголовного правосудия Университета штата Нью-Йорк во Фредонии. Его исследования касаются правовых вопросов судебного преследования за терроризм, особенно защиты от провокаций, а также нетрадиционных видов терроризма.

Ханна Грол-Прокопчик, доктор философии, занимается медицинской социологией и демографией. Большая часть ее исследований относится к проблемам хронической боли: ее измерению, распространенности, предикторам и последствиям. Автор является главным научным сотрудником проекта «Демография хронической боли: популяционный подход к тенденциям в этой области, неравенству, инвалидности и смертности» (1R01 AG065351; 2020-2025), финансируемого Национальным институтом по проблемам старения. Она также изучает проблему межличностной и международной сопоставимости опросов в области субъективного состояния здоровья, а также вопросы борьбы с терроризмом в США. Автор занимает должность доцента социологии в Университете штата Нью-Йорк в Буффало.

About the Authors

Jesse J. Norris, Ph.D., is an Associate Professor of Criminal Justice at the State University of New York at Fredonia. His research has focused on legal issues in terrorism prosecutions, especially the entrapment defense, and on unconventional types of terrorism.

Hanna Grol-Prokopczyk, Ph.D., is a medical sociologist and demographer. Much of her research focuses on chronic pain: its measurement, its social distribution, and its predictors and consequences. She is principal investigator on a National Institute on Aging- funded project on “The Demography of Chronic Pain: A Population Approach to Pain Trends, Pain Disparities, and Pain-Related Disability and Death” (1R01 AG065351; 2020-2025). She also conducts research on how surveys can best generate interpersonally and internationally comparable measures of subjective health conditions and on U.S. counterterrorism policy. She is an associate professor of sociology at the University at Buffalo, SUNY.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 09.03.2025

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 19.04.2025

Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2025